

© 2011 г. П.М. АРКАДЬЕВ

**ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА КОНСТРУКЦИЙ
«ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO»
В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ***

Статья посвящена конструкциям «аккузатив с причастием» в литовском языке, которые до сих пор не становились объектом строгого синхронного описания в современных синтаксических терминах. Эти конструкции рассматриваются в свете генеративной теории, в рамках которой подобным структурам в других языках были предложены две конкурирующие трактовки: (i) в терминах «подъема» субъекта зависимой клаузы в позицию прямого объекта главной и (ii) в терминах «исключительного падежного маркирования» этого субъекта, находящегося во вложенной клаузе, матричным предикатом. На основании эмпирических критериев демонстрируется, что ни один из двух основных принятых в порождающей грамматике способов анализа не подходит для литовских конструкций. Вместо этого предлагается альтернативная трактовка, основанная на высказанной в ряде работ последнего времени идее приписывания падежа внутри самой вложенной клаузы.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая статья посвящена анализу литовских конструкций «аккузатив с причастием», проиллюстрированных примером (1) из стандартной грамматики [Ambrazas (ed.) 1997: 367]¹.

- (1) *Sak-ia-u*   *tėv-q*   *gerai*   *gyven-a-nt.*
сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG   хорошо   жить-PRS-PA
'Я сказал, что отец хорошо живет' (букв. «Я сказал отца хорошо живя»).

Литовские конструкции такого типа обладают следующими характеристиками:

а) они выражают пропозициональный (сентенциальный) актант (дополнение) предикатов восприятия, речи и мысли, будучи аналогичными придаточным изъяснительным предложениям с подчинительными союзами (ср. термин «изъяснительные деепричастия» в грамматике [Амбразас (ред.) 1985: 321]);

б) «логический субъект» пропозиционального актанта выражен именной группой (ИГ) в винительном падеже;

* Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» и проектов РГНФ № 09-04-00297а «Типология синтаксических ограничений» и № 11-04-00282а «Типология морфосинтаксических параметров».

¹ Я приношу искреннюю благодарность моим литовским информантам: А. Генелите, В. Клумбису, В. Купрявичюсу, С. Лисаускайте, Ю. Наркявичюте, Р. Рудоманскису, А. Сруогису, Ю. Жилинскому. Данная статья основана на докладах, прочитанных на международных конференциях «Синтаксические структуры-2» (Москва, 2008), «Дни балтов и белые ночи» (Санкт-Петербург, 2008), «Синтаксис языков мира-3» (Берлин, 2008) и на семинаре Проблемной группы по теории грамматики Института языкознания РАН (2008). Я благодарен всем, кто принимал участие в обсуждении этих выступлений, а также тем, кто высказал критические замечания к более ранним вариантам данного текста: В.С. Волку, Ф. Гасту, С.А. Минору, Ю. Пакерису, Н.В. Сердобольской, Я.Г. Тестельцу, А.В. Циммерлингу, а также анонимному рецензенту ВЯ. Отдельная благодарность А. Сметоне и А. Хольфуту за содействие во время моих визитов в Литву. Никто из указанных лиц не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

в) в позиции сказуемого пропозиционального актанта находится особая нефинитная форма – несогласуемое причастие (в традиционной литовской терминологии такие формы называются *деепричастиями*², лит. «padalyvis», см. [Амбразас (ред.) 1985: 317–321]), выражающее грамматическое время³.

Конструкции типа (1) были довольно хорошо исследованы с исторической точки зрения, в том числе и в сопоставлении со сходными конструкциями в других индоевропейских языках, см. [Tangl 1928/1999; Ambrazas 1979; Амбразас 1990]. Тем не менее их сколько-нибудь отвечающее современным критериям точности синхронное описание отсутствует. Единственная известная мне работа, трактующая структуру сентенциальных актантов в литовском языке в современных терминах [Gronemeyer, Usonienė 2001], носит обзорный характер и не претендует на исчерпывающее описание, хотя и содержит ряд ценных наблюдений, от которых я буду во многом отталкиваться. Между тем с точки зрения синтаксической теории литовские конструкции вида (1) представляют немалый интерес, и их полное и точное описание может послужить обогащению эмпирической базы типологии сентенциальных актантов (в первую очередь нефинитных).

Данная статья, тем самым, имеет двоякую цель. Во-первых, я опишу основные характеристики современного употребления конструкций «аккузатив с причастием» в литовском языке, опираясь как на корпусной материал⁴, так и на данные, полученные методом опроса носителей языка⁵. Сразу отмечу, что мое описание ориентировано в первую очередь на морфосинтаксические особенности изучаемых конструкций, а не на их значение. В частности, чрезвычайно интересный вопрос о факторах, определяющих выбор говорящим нефинитной (причастной) или финитной (придаточное предложение с союзом *kad* или *jog* ‘что’) стратегий оформления пропозициональных актантов, в данной статье вообще не ставится (и, по предположению, носит не грамматический или семантический, а скорее стилистический или социолингвистический характер, см., например [Жуперка 1969], а также сн. 8).

Во-вторых, я ставлю теоретическую задачу: включить литовские конструкции «аккузатив с причастием» в более широкий типологический контекст и на основании тонких эмпирических критериев сделать выбор между несколькими возможными типами описания таких конструкций, принятыми в современной синтаксической литературе. Здесь я отмечу, что, хотя данная задача решается мною в рамках генеративной (более точно, минималистской, см. [Chomsky 2000; 2001; 2005; 2008]) теоретической парадигмы, я не утверждаю, что мои выводы могут служить аргументом в пользу именно такой теории синтаксиса или не могут быть сформулированы в иных терминах. Выбор генеративного формального аппарата обусловлен тем, что, как мне представляется, именно в его рамках интересующие меня проблемы могут быть поставлены с особой рельефностью.

Структура статьи такова. В разделе 1 я описываю, по большей части в теоретически нейтральном ключе, самые общие и важные характеристики литовских конструкций «аккузатив с причастием», в том числе определяю их место в более общей системе

---

² Необходимо отметить, что в такой терминологии литовские «деепричастия» не эквивалентны, а скорее диаметрально противоположны русским деепричастиям: если в русском литературном языке употребление деепричастия возможно лишь при тождестве его субъекта подлежащему главного предложения, то в литовском, напротив, «деепричастие» допускается лишь при несовпадении субъектов (см. ниже).

³ Временное значение литовских причастий в общем случае является таксисным, т.е. отсчитывается от времени главного (матричного) предиката, см. [Вимер 2009: 179 и сл.], хотя формы причастий настоящего времени могут иметь и абсолютную (дейктическую) интерпретацию. Для дальнейшего анализа особенности темпоральной интерпретации причастий нерелевантны.

⁴ Основные источники корпусного материала – (i) литовский раздел поисковой системы Google; заимствованные оттуда примеры снабжены полным интернет-адресом; (ii) корпус литовского языка (Lietuvių kalbos tekstynas), созданный в университете г. Каунаса (<http://donelaitis.vdu.lt>); примеры из этого корпуса снабжены пометой LKT.

⁵ Эти примеры никак специально не помечены.

причастных конструкций в литовском. В разделе 2 я остановлюсь на принятых в генеративной синтаксической теории способах описания пропозициональных актантов интересующего меня типа. В разделах 3 и 4 речь пойдет о проблемах, которые литовский материал ставит перед этими теоретическими подходами, и будет предложено и эмпирически обосновано возможное решение этих проблем.

1. ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO В ЛИТОВСКОМ: ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ

Литовские конструкции «аккузатив с причастием» оформляют пропозициональный актант при предикатах восприятия (например, *matyti* ‘видеть’, *girdėti* ‘слышать’, *jausti* ‘слышать’) ⁶, речи и коммуникации (например, *sakyti* ‘сказать’, *teigti* ‘утверждать’, *neigti* ‘отрицать’, *vaizduoti* ‘изображать’ и др.) и мысли (например, *manyti* ‘думать, считать’, *tikėti* ‘верить’, *žinoti* ‘знать’, *įtarti* ‘подозревать’ и др.) в тех случаях, когда субъект вложенной предикации не совпадает с субъектом матричного глагола ⁷. В этом качестве они противопоставлены, с одной стороны, конструкциям «номинатив с причастием», употребляющимся при совпадении субъектов главного и зависимого предикатов (ср. 2b), и, с другой стороны, конструкциям с финитным (индикативным) зависимым предложением с подчинительным союзом (ср. 2c); см. также [Вимер 2009: 179–200].

- (2) a. *Sak-ia-u*   *tėv-q*   *gerai*   *gyven-a-nt*.
сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG   хорошо   жить-PRS-PA
‘Я сказал, что отец хорошо живет’ [Ambrasas (ed.) 1997: 367].
- b. *Tėv-as*   *sak-ė(-si)*   *gerai*   *gyven-qs*.
отец-NOM.SG   сказать-PST(-RFL)   хорошо   жить-PRS.PA.NOM.SG.M
‘Отец сказал, что он хорошо живет’ [Ibid.].
- c. *Sak-ia-u,*   *kad*   *tėv-as*   *gerai*   *gyven-a*.
сказать-PST-1SG   что   отец-NOM.SG   хорошо   жить-PRS
‘=2a’

Конструкции типа (2b) будут интересовать нас лишь постольку, поскольку они могут быть связаны с конструкциями «аккузатив с причастием» трансформационными (в неформальном понимании этого слова) отношениями. Конструкции с подчинительным союзом (2c) в дальнейшем рассматриваться не будут, в том числе и в связи с закономерным, но, как уже было сказано выше, выходящим за рамки данной статьи вопросом о факторах, определяющих выбор между конструкциями типа (2a) и (2c) ⁸.

⁶ В данном случае я отвлекаюсь от противопоставления разных семантических типов восприятия, в частности непосредственного чувственного восприятия и восприятия-знания, см. [Dik, Hengeveld 1991; Usonienė 2001; Viberg 2001], а также от нетривиальных различий между зрительным и акустическим восприятием, см. [Engels 2009]. О средствах оформления содержания восприятия в европейских языках см., например [Gast 2010].

⁷ Данная формулировка будет уточнена ниже.

⁸ По этому поводу можно сказать следующее. Большая часть опрошенных мной носителей языка считает конструкции с причастиями (как *accusativus cum participio*, так и *nominativus cum participio*) книжными и «старомодными»; один из носителей даже отказался работать с такого рода материалом, сказав, что вовсе не использует эти конструкции в своей речи. Тем не менее, как показывают данные корпуса и Интернета, эти конструкции весьма частотны, причем вовсе не ограничены текстами книжных, академических или официальных жанров. Многочисленные примеры причастных конструкций можно встретить в сетевых текстах, приближающихся к спонтанной устной речи, – в блогах и чатах. Кроме того, мои консультанты-студенты, признавая, что для их повседневной речи причастные конструкции не очень характерны, тем не менее давали о них вполне твердые и систематические суждения. Тем самым вопрос о противопоставлении причастной и финитной стратегий оформления пропозициональных актантов лежит скорее в социолингвистической и стилистической плоскости, нежели в области грамматики и семантики. Кроме того, вполне очевидно, что причастная стратегия, уступая в частотности финитной, является живым и активным феноменом современного литовского языка.

Необходимо сразу отметить, что способность присоединять «аккузатив с причастием» определяется семантикой конкретного употребления матричного предиката; класс предикатов, сочетающихся с причастными конструкциями, по всей видимости, открыт. На это указывают окказиональные употребления вроде (3), где глагол звукопроизводства *kukuoti* ‘куковать’ используется в нехарактерном для него значении передачи информации. Не менее показателен и пример (4), в котором матричный глагол сам по себе, без причастной конструкции, не выражает пропозициональной установки.

- (3) ... *gegut-ė*   *j-iems*   *kukuoj-a*   *netikr-q*   *nuotak-q*
 кукушка-NOM.SG   OH-DAT.PL.M   куковать-PRS   фальшивый-ACC.SG   невеста-ACC.SG
be-vež-a-nt...

CNT-ВЕЗТИ-PRS-PA

‘кукушка им кукует, что они фальшивую невесту везут...’⁹

- (4) *J-ie*   *tikėj-o-si,*   *kad*   *galė-s*   ***pagau-ti***   *prezident-q*
 OH-NOM.PL.M   надеяться-PST-RFL   что   мочь-FUT   поймать-INF   президент-ACC.SG
Reagan-q   ***meluoj-a-nt***   *ir*   ***lauž-a-nt***   *kongres-o*   *įsakym-us.*

Рейган-ACC.SG   лгать-PRS-PA   и   разбить-PRS-PA   конгресс-GEN.SG   предписание-ACC.PL

‘Они надеялись, что смогут поймать президента Рейгана на том, что он лжет и нарушает предписания Конгресса’ (LKT).

Единственное возможное ограничение на сочетаемость причастных конструкций состоит в том, что они, по-видимому, не присоединяются к неглагольным предикатам вроде *gaila* ‘жалеть’, с которыми употребляются лишь финитные пропозициональные актанты (также, вопреки [Gronemeyer, Usonienė 2001: 117], мне не удалось подтвердить способность причастных конструкций сочетаться с пропозициональными именами типа *naujiena* ‘новость’).

Основная область употребления причастных конструкций – пропозициональные актанты матричных предикатов, не накладывающих ограничений на темпоральную интерпретацию вложенной пропозиции (о значимости этого параметра см. [Cristofaro 2003; 2008]), что соотносится с тем, что литовские причастия различают полный набор грамматических времен. Напротив, матричные предикаты, требующие строго определенной временной локализации зависимой пропозиции относительно главной, например волитивные (*norėti* ‘хотеть’), манипулятивные (*prašyti* ‘просить’, *liepti* ‘велеть’) и фазовые (*pradėti* ‘начать’), вместо причастных присоединяют инфинитивные клаузы¹⁰.

С точки зрения своего внутреннего устройства литовские причастные клаузы изучаемого типа во многом сходны с финитными предложениями, отличаясь от них, во-первых, отсутствием номинативного субъекта (но, как будет показано ниже, не самой соответствующей синтаксической позиции) и, во-вторых, запретом на выражение неиндикативной модальности. Напротив, практически все видо-временные значения, которые могут быть выражены в финитной индикативной клаузе, сохраняются и в причастной конструкции. Так, в *accusativus cum participio* выступают причастия настоящего (см. выше), простого прошедшего (ср. 5), хабитуального прошедшего (ср. 6) и будущего (ср. 7) времени.

- (5) [*J-i*]   *prisimin-ė*   *j-į*   ***buv-us***   *labdaring-q*
 OH-NOM.SG.F   вспомнить-PST   OH-ACC.SG.M   быть-PST.PA   благодетельный-ACC.SG
ir malon-ų.

и приятный-ACC.SG.M

‘Она вспомнила, что он был щедрым и приятным’¹¹.

⁹ <http://www1.omnitel.net/sakmes/frames.html>

¹⁰ Тем не менее глагол *grasinti* ‘грозить’, пропозициональный актант которого может, строго говоря, иметь референцию лишь ко времени, следующему за временем главной предикации, свободно сочетается с *accusativus cum participio* с причастиями будущего времени, см. пример (7).

¹¹ <http://www.druskonis.lt/archyvai/2001-02-23/kultura.htm>

- (6) ... *skatin-a many-ti j-q dažnai bū-dav-us susierzinusi-q ...*
 побуждать-PRS думать-INF он-ACC.SG.F часто быть-НАВ-PST.ПА раздраженный-ACC.SG.F
 '[это] побуждает думать, что она часто бывала раздражена...'¹²
- (7) *Jurg-is grasin-o tėv-q atei-si-ant ir j-uos sumuši-ant.*
 Юргис-NOM.SG грозить-PST отец-ACC.SG придти-FUT-ПА и он-ACC.PL.M побить+FUT-ПА
 'Юргис грозился, что отец придет и побьет их'.

Помимо собственно временных синтетических форм, в причастных конструкциях могут выступать префиксальные показатели континуатива *tebe-* и дисконтинуатива *nebe-* (ср. 8a и 8b).

- (8) a. *Žin-a-u Kaz-į te-be-gyven-a-nt Šiauli-uose.*
 знать-PRS-1SG Казис-ACC.SG POS-CNT-ЖИТЬ-PRS-ПА Шяуляй-LOC.PL
 'Я знаю, что Казис все еще живет в Шяуляе'.
- b. *Žin-a-u Kaz-į ne-be-gyven-a-nt Šiauli-uose.*
 знать-PRS-1SG Казис-ACC.SG NEG-CNT-ЖИТЬ-PRS-ПА Шяуляй-LOC.PL
 'Я знаю, что Казис больше не живет в Шяуляе'.

Из аналитических форм в причастных конструкциях допускаются пассив (ср. 9 и 10), иллюстрирующие, соответственно, результативную и длительную его разновидность, а также маргинально перфект (ср. 11) и авертив (ср. 12).

- (9) ... *man-o j-q buv-us pastaty-t-q tik 1580 m.*
 думать-PRS он-ACC.SG.F AUX-PST.ПА построить-PST.PP-ACC.SG только 1580 г.
 '[Он] думает, что она [церковь] была построена только в 1580 г.' (LKT).
- (10) ... *ir dat-a rod-o j-į buv-us perraš-o-m-q.*
 и дата-NOM.SG показывать-PRS он-ACC.SG.M AUX-PST.ПА переписать-PRS-PP-ACC.SG
 '...и дата показывает, что его [сборник] переписывали' (букв. «что он был переписываем») (LKT).
- (11) *Atsimen-u j-į buv-us atėj-us-į.*
 помнить-PRS.1SG он-ACC.SG AUX-PST.ПА прийти-PST.ПА-ACC.SG.M
 'Я помню, что он приходил'.
- (12) *Mač-ia-u Kaz-į buv-us be-nukrint-a-nt-į*
 видеть-PST-1SG Казис-ACC.SG AUX-PST.ПА CNT-упасть-PRS-ПА-ACC.SG.M
ir atbėg-a-u j-am padė-ti.
 и прибежать-PST-1SG он-DAT.SG.M помочь-INF
 'Я видел, что Казис чуть было не упал, и прибежал ему на помощь'.

Все это свидетельствует о высокой степени синтаксической автономности литовских конструкций *accusativus cum participio*. Наличие в них категории времени говорит о том, что в генеративных терминах причастная клауза является составляющей как минимум уровня TP (вершина T(ense) отвечает за временную интерпретацию). Наличие в причастных клаузах еще более высокого уровня синтаксической структуры, а именно так называемой группы комплементаризера (CP), более проблематично. С одной стороны, в конструкциях «номинатив с причастием» допускаются вопросительная частица (ср. 13) и вопросительные местоимения (ср. 14), что свидетельствует в пользу CP. С другой стороны, в интересующих нас конструкциях «аккузатив с причастием» ни вопросительная частица, ни вопросительные слова не допускаются (ср. 15a и 15b), что может служить аргументом против уровня CP.

- (13) *Prokuror-as sak-ė dar ne-žin-ąs, ar*
 прокурор-NOM.SG сказать-PST еще NEG-ЗНАТЬ-PRS.PA.NOM.SG.M Q

¹² <http://alfa.lt/straipsnis/150854>

rašy-si-qs   *kasacin-į*   *skund-q*   *Aukščiausi-ąjam*
 писать-FUT-PA.NOM.SG.M   кассационный-ACC.SG.M   жалоба-ACC.SG   верховный-DAT.SG.M.DEF
Teism-ui.
 суд-DAT.SG

‘Прокурор сказал, что еще не знает, будет ли писать кассационную жалобу в Верховный суд’¹³.

- (14) *J-is*   *ne-pamirš-dav-o*   *atsiūs-ti ...*   *radiogram-q,*
 он-NOM.SG.M   NEG-забыть-HAB-PST   послать-INF   радиограмма-ACC.SG
praneš-dam-as   *kur*   *es-qs,*   *kaip*   *gyven-qs...*
 сообщать-CNV-SG.M   где   быть-PRS.PA.NOM.SG.M   как   жить-PRS.PA.NOM.SG.M
 ‘Он не забывал присылать... радиogramмы, сообщая, где он, как живет...’ (LKT).

- (15) a. **Ne-žin-a-u*   *ar*   *tėv-q*   *jau*   *atėj-us.*
 NEG-знать-PRS-1SG   Q   отец-ACC.SG   уже   прийти-PST.PA
 ожидаемое значение: ‘Я не знаю, пришел ли уже отец’.
 b. **Ne-žin-a-u*   *kur*   *tėv-q*   *išėj-us.*
 NEG-знать-PRS-1SG   где   отец-ACC.SG   выйти-PST.PA
 ожидаемое значение: ‘Я не знаю, куда ушел отец’.

Тем не менее я считаю, что нет оснований считать, что конструкции «номинатив с причастием» и «аккузатив с причастием» различаются своей синтаксической категорией, и полагаю обе их составляющими уровня СР; в следующих разделах будут высказаны дополнительные аргументы в пользу именно такой трактовки.

Необходимо остановиться подробнее на противопоставлении конструкций *nominativus vs. accusativus cum participio*, уточнив понятие «тождество vs. различие субъектов главного и зависимого предикатов». Конструкции с причастием, согласующимся с субъектом матричного предиката в роде, числе и именительном падеже («номинатив с причастием»), допускаются лишь при совпадении (обязательно фонологически невыраженного) субъекта вложенной предикации с номинативным подлежащим матричного глагола, при этом глагол в причастной клаузе должен быть способен присписывать номинатив своему субъекту. Конструкции «аккузатив с причастием», где причастие выступает в особой форме без согласовательных флексий, используются во всех остальных случаях, как-то:

1) субъект пропозиционального актанта (в дальнейшем также просто «вложенный субъект») референциально отличен от номинативного субъекта матричного глагола и выражен фонологически ненулевой ИГ;

2) субъект пропозиционального актанта фонологически не выражен, но кореферентен неподлежащей ИГ главной клаузы, как в (3), где эта ИГ – адресат сообщения в дативе;

3) субъект вложенной клаузы – нулевое местоимение с обобщенной или произвольной референцией, ср. пример (16):

- (16) *Apie tai nuolat*   *gird-i-m* $\emptyset_{\text{generic}}$ *kalb-a-nt*   *ir raš-a-nt...*
 об это постоянно слышать-PRS-1PL   говорить-PRS-PA   и писать-PRS-PA
 ‘Мы постоянно слышим, что об этом говорят и пишут...’ (LKT).

4) предикат вложенной клаузы безличный (поскольку в литовском языке нет экзоплетивных подлежащих вроде английского *it* или немецкого *es*, такие глаголы вообще не имеют выраженного субъекта), ср. пример (17):

- (17) *Vien-q*   *ryt-q*   *nubud-ęs*   *pro*   *lang-q*
 один-ACC.SG   утро-ACC.SG   проснуться-PST.PA.NOM.SG.M   через   окно-ACC.SG
pa-mač-ia-u   *sning-a-nt.*
 PRV-видеть-PST-1SG   идти.о.снеге-PRS-PA
 ‘Однажды утром, проснувшись, я увидел через окно, что идет снег’ (LKT).

¹³ <http://www.londonozinios.com/a-news-2065>. В данном примере две конструкции *nominativus cum participio* вложены одна в другую.

5) вложенная клауза содержит предикат с неноминативным субъектом, кореферентным матричному подлежащему, ср. пример (18a) с неграмматичным (18b), построенным по модели *nominativus cum participio*:

- (18) a. *Jon-as sak-ė j-am es-a-nt gėd-q.*
 Йонас-NOM.SG сказать-PST он-DAT.SG.M быть-PRS-PA стыд-ACC.SG
 ‘Йонас сказал, что ему стыдно’.
- b. **Jon-as sak-ė es-qs gėd-a.*
 Йонас-NOM.SG сказать-PST быть-PRS.PA.NOM.SG.M стыд-NOM.SG
 ожидаемое значение: ‘=18a’

6) субъект пропозиционального актанта – местоимение, кореферентное матричному подлежащему, ср. пример (19):

- (19) ... *žino-ti sav-e es-a-nt skurd-ų yra diding-a.*
 знать-INF себя-ACC быть-PRS-PA бедный-ACC.SG.M есть+PRS(3) величественно-N
 ‘... знать, что ты бедный (букв. «знать себя будучи бедным»), возвышает’¹⁴.

Таким образом, очевидно, что выбор между согласованной и несогласованной формами причастия (иными словами, между конструкциями *nominativus cum participio* и *accusativus cum participio*) обусловлен не только семантически – референцией субъекта пропозиционального актанта, но и синтаксически – падежом матричного и вложенного подлежащих¹⁵. Аналогично распределение конструкций с согласованными и несогласованными причастиями в другом типе нефинитных клауз в литовском, а именно в сентенциальных сирконстантах (см. [Greenberg, Lavine 2006]), ср. пример (20a), где нулевой субъект причастного оборота совпадает с номинативным матричным подлежащим, пример (20b), где собственный субъект причастного сирконстанта оформлен дативом, и пример (20c), где во вложенной клаузе представлен безличный глагол.

- (20) a. *Išėj-us-i iš mišk-o, j-i net stabtelėj-o.*
 выйти-PST.PA.NOM.SG.F из лес-GEN.SG он-NOM.SG.F даже остановиться-PST
 ‘Выйдя из лесу, она даже вдруг остановилась’ [Ambrasas (ed.) 1997: 362].
- b. *Vaik-ams sugrįž-us, pragyd-o lakštingal-a.*
 ребенок-DAT.PL вернуться-PST.PA запеть-PST соловей-NOM.SG
 ‘Когда дети вернулись, запел соловей’ [Ibid.: 363].
- c. *Atvažiav-o-me, stipriai sning-a-nt.*
 приехать-PST-1PL сильно идти.о.снеге-PRS.PA
 ‘Мы приехали, когда шел сильный снег’.

В заключение отмечу, что соотношение между согласованными и несогласованными формами причастий является иконическим: согласованные формы, имея в своем составе дополнительный морфологический материал, демонстрируют и более сложный контекст употребления. Напротив, формально немаркированные несогласованные причастия употребляются «по умолчанию», когда не выполняются условия для использования согласуемых форм.

2. ТИПОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ (НЕФИНИТНЫХ) СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ

В синтаксической литературе для представленных в самых различных языках конструкций, подобных литовским *accusativus cum participio*, в частности для английских примеров вроде (21), предлагали два основных типа анализа (см. обсуждение истории

¹⁴ <http://www.lksb.lt/straipsniai/straipsnis-554.htm>

¹⁵ Конструкции «номинатив с причастием» представляют собой не вполне тривиальный случай так называемого об л и г а т о р н о г о к о н т р о л я (*obligatory control*, см. [Hornstein 2003]); аргументы в пользу такой трактовки изложены в статье [Arkadiev 2011].

вопроса в [Davies, Dubinsky 2004]): подъем (raising [Postal 1974; Lasnik, Saito 1991; Lasnik 2001]) и исключительное падежное маркирование (exceptional case marking, ECM [Chomsky 1973; 1981]).

английский

- (21) *I believe John to be intelligent.*
 ‘Я считаю Джона умным’.

Исходным эмпирическим «постулатом», общим для обеих конкурирующих концепций, является тот факт, что ИГ *John* в (21) семантически соотносится лишь с зависимым нефинитным предикатом *to be intelligent* ‘быть умным’, однако демонстрирует ряд синтаксических свойств элемента матричной клаузы, например, способность к продвижению в позицию подлежащего при пассивизации (ср. 22). Отсутствие семантической связи между такими ИГ и главным предикатом демонстрируется, в частности, допустимостью в них эксплетивов (ср. 23), которые запрещены в тех синтаксических позициях, где ИГ могут получить семантическую роль.

английский

- (22) *John is believed to be intelligent.*
 ‘Джона считают умным’.
- (23) *I believe it to be raining.*
 ‘Я считаю, что идет дождь’.

Концепция подъема (подробнее см. [Сердобольская 2005], где данная проблематика рассматривается на широком типологическом материале) предполагает, что ИГ *John* в (21), (22) или *it* в (23) порождается в позиции подлежащего вложенной клаузы, а затем передвигается («поднимается») в позицию прямого дополнения матричного предиката, ср. схему (24)¹⁶.

- (24) *I believe **John**_i [t_i to be intelligent]*¹⁷.

Более наглядно, чем английские данные, эту теорию иллюстрирует материал языка кечуа (диалект имбабура, Эквадор), представленный в статье [Cole, Hermon 1980]. В кечуа, в отличие от английского, трансформация подъема не является обязательной, а падежи последовательно выражаются морфологически, что позволяет увидеть противопоставление между субъектом номинализованной¹⁷ вложенной клаузы, перемещенным в главное предложение и оформленным аккузативом, с одной стороны, и тем же субъектом *in situ* в номинативе, с другой (ср. минимальную пару 25a и 25b).

кечуа

- (25) a. *Maria-ca yacha-n [Francisco caypi ca-j-ta].*
 Мария-ТОР знать-3 Франсиско(НОМ) здесь быть-PRS.NML-ACC
 ‘Мария знает, что Франсиско здесь’ [Cole, Hermon 1980: 9].
- b. *Maria-ca yacha-n Francisco-ta_i [t_i caypi ca-j-ta].*
 Мария-ТОР знать-3 Франсиско-ACC здесь быть-PRS.NML-ACC
 ‘=25a’

Целый ряд тестов демонстрирует, что, когда «логический субъект» пропозиционального актанта оформлен номинативом, он находится в составе зависимой предика-

¹⁶ Символ *t* с референциальным индексом обозначает «след» (trace), который в своей базовой позиции оставляет перемещающийся элемент.

¹⁷ Формы, называемые «номинализациями» в кечуа (см. [Muysken, Lefebvre 1988]), во многом сходны с литовскими причастиями, в частности, способностью различать грамматическое время. Следует обратить внимание, что в отличие от литовских причастий номинализации в кечуа оформлены аккузативом.

ции, а будучи оформленным аккузативом – в главной. Так, лишь аккузативный субъект может быть вынесен в позицию перед матричным глаголом (ср. 26а и 26б); лишь аккузативный субъект, выраженный личным местоимением, способен контролировать объектное согласование матричного глагола (ср. 27а и 27б); местоимение третьего лица (прономинал), кореферентное матричному подлежащему, допустимо лишь в позиции номинативного субъекта, находящегося во вложенной клаузе (ср. 28а и 28б), а рефлексивное местоимение (анафор) демонстрирует обратное распределение (ср. 29а и 29б).

кечуа

- (26) a. *Maria-ca Francisco-ta yacha-n caypi ca-j-ta.*
 Мария-ТОР Франсиско-ACC знать-3 здесь быть-PRS.NML-ACC
 ‘Мария знает, что Франсиско здесь’ [Cole, Hermon 1980: 9].
- b. **Maria-ca Francisco yacha-n caypi ca-j-ta.*
 Мария-ТОР Франсиско(NOM) знать-3 здесь быть-PRS.NML-ACC
- (27) a. *Juzi ñuca-ta yacha-wa-n Maria-ta juya-j-ta.*
 Хозе я-ACC знать-1SG.OBJ-3 Мария-ACC любить-PRS.NML-ACC
 ‘Хозе знает, что я люблю Марию’ [Ibid.: 6].
- b. **Juzi yacha-wa-n ñuca Maria-ta juya-j-ta.*
 Хозе знать-1SG.OBJ-3 я(NOM) Мария-ACC любить-PRS.NML-ACC
- (28) a. *Juzi_i cri-n pay_{i/j} cayna shamu-shca-ta.*
 Хозе считать-3 он(NOM) вчера прийти-PST.NML-ACC
 ‘Хозе считает, что он (=он сам/кто-то другой) пришел вчера’ [Ibid.].
- b. *Juzi_i cri-n pay-ta_{s/i/j} cayna shamu-shca-ta.*
 Хозе считать-3 он-ACC вчера прийти-PST.NML-ACC
 ‘Хозе считает, что он (кто-то другой/*он сам) пришел вчера’ [Ibid.].
- (29) a. *Juzi_i cri-n payllataj_i wasi-ta randi-shca-ta.*
 Хозе считать-3 себя:ACC дом-ACC купить-PST.NML-ACC
 ‘Хозе считает себя купившим дом’ [Ibid.].
- b. **Juzi_i cri-n payllataj_i wasi-ta randi-shca-ta.*
 Хозе считать-3 себя:NOM дом-ACC купить-PST.NML-ACC

Альтернативная концепция (неприменимая, однако, к данным кечуа), впервые предложенная в статье [Chomsky 1973], состоит в том, что в предложениях типа (21) субъект нефинитного предиката не перемещается в позицию прямого дополнения матричной клаузы, а остается в составе зависимой. Винительный падеж и сопутствующие свойства, такие как способность продвигаться при пассивизации, допустимость в этой позиции анафоров и т. п., возникают не в результате перемещения, а при помощи механизма «исключительного падежного маркирования» через границу нефинитной клаузы, которая оказывается «прозрачной» для ряда синтаксических процессов, в отличие от границы финитного предложения, см. схему (30).

(30) *I believe [John to be intelligent].*

Эта концепция возникла в первую очередь по внутритеоретическим причинам как следствие тенденции к ограничению возможных трансформаций; собственно эмпирические аргументы в пользу ЕСМ вновь находятся в других языках. Данные, описывающиеся в рамках ЕСМ, но не допускающие анализа в терминах подъема, предоставляют конструкции, в которых ИГ-«логический субъект» зависимой клаузы маркируется аккузативом (или иным косвенным падежом), как в примерах (25б), (26а) и т. п., однако образует с вложенным предикатом единую составляющую, иными словами, синтаксически относится к зависимой клаузе, как в примерах (25а), (26б) и подобных. Так ведут себя,

например, пропозициональные актанты в турецком языке¹⁸, субъект которых может маркироваться аккузативом (допускается также номинативное и генитивное оформление в зависимости от типа зависимой клаузы и ряда других факторов, см., например [Kornfilt 2008]), ср. пример (31).

- турецкий
 (31) *Pelin sen-i Timbuktu-ya git-ti-n san-tyor.*
 Пелин ты-ACC Тимбукту-DAT идти-PST-2SG считать-PROG
 ‘Пелин считает, что ты уехал в Тимбукту’ [Şener 2008: 5].

Хотя такие конструкции анализировались в терминах подъема субъекта зависимой клаузы в матричную (см. [Zidani-Eroğlu 1997]), в работах [Augen 2002] и в особенности [Şener 2008] было продемонстрировано, что для турецких фактов лучше подходит анализ в терминах ЕСМ. Важнейшим аргументом за то, что оформленный аккузативом «логический субъект» пропозиционального актанта синтаксически принадлежит вложенной, а не главной, клаузе, является позиция и интерпретация обстоятельств. Как показывает пример (32), наречие *dün* ‘вчера’, которое семантически может модифицировать лишь зависимый глагол, линейно расположено перед аккузативным субъектом вложенной предикации *Metini*. При предположении, что обстоятельства синтаксически принадлежат той клаузе, в которой они интерпретируются, такие примеры однозначно указывают на то, что аккузативная ИГ *Metini* находится в зависимой клаузе и тем самым получает падеж при помощи механизма ЕСМ, а не подъема.

- турецкий
 (32) *Pelin [dün Metin-i sınav-a gir-di] san-tyor.*
 Пелин вчера Метин-ACC экзамен-DAT войти-PST считать-PROG
 ‘Пелин считает, что вчера Метин сдавал экзамен’ [Şener 2008: 10].

Концепция «исключительного падежного маркирования» имеет ряд недостатков как теоретического, так и эмпирического свойства. Основная теоретическая претензия к идее ЕСМ состоит в том, что она предполагает способность матричного глагола приписывать падеж через границу клаузы, причем, как показывает материал, в частности, турецкого языка, эта клауза может быть вовсе не инфинитивной, а финитной. Если для инфинитивных конструкций, подобных английским в примере (21), можно предположить определенную «дефектность» синтаксической структуры и «слабость» границы предикации, то для финитных актантных предложений вроде турецких такое предположение маловероятно¹⁹. Согласно общепринятому в порождающей грамматике мнению, операция приписывания падежа является строго локальной и не может пересекать границу фазы [Chomsky 2001; 2008] – составляющей, непроницаемой для синтаксических операций; фазой, в частности, является CP, т.е. финитная клауза. Приписывание падежа матричным предикатом какому-либо элементу зависимой клаузы, тем самым, возможно лишь в двух случаях: либо если эта клауза не является фазой, т.е., неформально говоря, не обладает признаками полноценной предикации (что на независимых основаниях исключено для турецкого); либо если элемент, которому «исключительным образом» приписывается падеж, находится на границе (edge) этой клаузы, т.е. в позиции спецификатора CP (именно такой анализ турецких конструкций предлагается в работе [Şener 2008]). Перемещение ИГ на границу CP (явное, фонологически выраженное, либо скрытое, на уровне логической формы, LF), однако, возможно лишь при его коммуникативной выделенности, например топикализации²⁰.

¹⁸ В отличие от аналогов в английском, кечуа и литовском, предикаты интересующих нас турецких клауз являются финитными; это, однако, нерелевантно.

¹⁹ Более того, и в турецком, и в других языках явления, подобные ЕСМ, допускаются в финитных клаузах с подчинительными союзами, а также в сирконстантных зависимых клаузах.

²⁰ Если следовать концепции «развитой левой периферии» [Rizzi 1997], субъект вложенной клаузы перемещается в специальную коммуникативно релевантную позицию – спецификатор

Другое «слабое место» концепции «исключительного падежного маркирования» состоит в том, что доказательство ЕСМ-анализа конкретной конструкции не сводится к одной лишь демонстрации положения субъекта пропозиционального актанта внутри зависимой предикации. Необходимо также показать, что падеж этой ИГ приписан именно матричным предикатом, а не каким-либо иным образом, например элементом вложенной клаузы. Насколько мне известно, такой вопрос, при всей его очевидности, обычно даже не ставится, между тем именно здесь для ЕСМ-анализа возникают наиболее серьезные трудности (об этом см. ниже).

Важным косвенным подтверждением потенциальной возможности приписывания матричным предикатом падежа элементу зависимой клаузы служит явление так называемого дальнего, или прозрачного, согласования (*long-distance agreement*, LDA), наблюдающегося, например, в цезском [Polinsky, Potsdam 2001] и ительменском [Bobaljik, Wurmbrand 2004] языках и в алгонкинском языке пассамакводди [Bruening 2001]. В перечисленных языках матричный предикат может согласовываться с определенным элементом зависимой клаузы (абсолютивной ИГ в цезском, объектом в ительменском и субъектом или объектом в пассамакводди), который при этом интерпретируется как топиальный, т. е. занимающий (возможно, на LF) позицию спецификатора CP. Ср. следующие примеры.

цезский
 (33) *eni-r* [už-ā *magalu* *b-āc'-ru-li* *b-i*yo.
 мать-DAT мальчик-ERG хлеб(III).ABS III-есть-PST.PART-NML III-знать
 'Мать знает, что хлеб съел мальчик' [Polinsky, Potsdam 2001: 584].

ительменский
 (34) *t'-əntxa-čē?n* [mič *okno-?n* *sop-es*].
 1SG.SBJ-забыть-3PL.OBJ все окно-PL закрыть-INF
 'Я забыл закрыть все окна' [Bobaljik, Wurmbrand 2004: 12].

пассамакводди
 (35) a. *n-kosiciy-a* [*Susehp=oc* *eli* *monuwa-t* *nuhu* *akom*].
 1SG.SBJ-знать-3SG.OBJ Сусехп=ФУТ что купить-СНЛ:3 три снегоступы
 'Я знаю, что Сусехп купил три пары снегоступов' [Bruening 2001: 271].
 b. *n-kosiciy-ak* [*nuhu=oc* *akom* *eli* *Susehp* *monuwa-t*].
 1SG.SBJ-знать-3PL.OBJ три=ФУТ снегоступы что Сусехп купить-СНЛ:3
 'Я знаю, что три пары снегоступов купил Сусехп' [Ibid.].

Примеры из пассамакводди особенно показательны тем, что в них ИГ, с которой происходит дальнейшее согласование, находится на левой границе клаузы в поверхностном синтаксисе. Об этом свидетельствует ее положение перед подчинительным союзом *eli*, а тот факт, что к этой ИГ присоединяются клитики (в примере (35) клитика будущего времени =*oc*), относящиеся к вложенной предикации, указывает на отсутствие подъема ее в матричную клаузу.

Явление дальнего согласования может быть признано релевантным для обсуждения конструкций с подъемом или ЕСМ лишь при допущении (принятом в порождающей грамматике, но не лишенном трудностей), что согласование и падежное маркирование суть разные проявления одного и того же синтаксического механизма (ср., например [Chomsky 2000: 101]).

Если от LDA мы вернемся к ЕСМ, то обнаружим, что в целом ряде языков, где релевантные конструкции по синтаксическим причинам затруднительно описывать в терминах подъема, оказывается проблематичным и анализ в рамках концепции «исключи-

ТорР или ФосР. Для настоящего изложения выбор конкретной позиции нерелевантен, имеет значение лишь ее коммуникативная выделенность и доступность для операций со стороны главной клаузы.

чительного падежного маркирования». Так, в калмыцком языке в конструкциях «аккузатив с причастием» аккумулятивный субъект по всем признакам входит в зависимую клаузу [Сердобольская 2009] (ср. 36), тем самым указывая на действие механизма ЕСМ. Проблема, однако, состоит в том, что аккумулятив субъекта зависимой клаузы допускается с матричными предикатами, не способными приписывать аккумулятив, ср. примеры (37a) и (37b) с предикатом ‘любить’, букв. «(быть) с желанием».

калмыцкий
 (36) *öčkäldür čamagə ir-s-i-čən* *bi med-sən uga-v.*
 вчера ты:ACC прийти-PST.PART-ACC-2SG я знать-PST.PART NEG.AUX-1SG
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’ [Сердобольская 2009: 601].

(37) a. *cecg-üüd narən-də dur-ta.*
 цветок-PL солнце-DAT желание-ASSOC
 ‘Цветы любят солнце’ [Ibid.: 588].

b. *bi dur-ta-v [čamagə duul-xla].*
 я желание-ASSOC-1SG ты:ACC петь-CNV
 ‘Я люблю, когда ты поешь’ [Ibid.: 589].

Анализ примеров, подобных (37b)²¹, в терминах ЕСМ предполагает, что этот механизм является «исключительным» с точки зрения не только области действия правил падежного маркирования, но и приписываемого падежа (который в таком случае может отличаться от падежа, обычно приписываемого матричным предикатом), что нежелательно по теоретическим соображениям. Для описания таких примеров скорее следует предполагать механизм приписывания аккумулятива внутри самого пропозиционального актанта (подробнее см. [Sundaresan, McFadden 2009]). В пользу такой трактовки тех же калмыцких данных говорит следующий любопытный факт: в зависимой предикации не допускается одновременное присутствие двух аккумулятивных ИГ – субъекта и прямого объекта, ср. пример (38). Если бы аккумулятив субъекта приписывался из главной клаузы, этот факт был бы необъяснимым²².

калмыцкий
 (38) a. *ter cää-gə uu-čkə-v.*
 этот чай-ACC пить-COMPL-1SG
 ‘Он выпил чай’ [Сердобольская 2009: 597].
 b. *[čamagə cä / *cää-gə uu-čk-s-i-nʹ] med-sən uga-v.*
 ты:ACC чай / чай-ACC пить-COMPL-PST.PART-ACC-3SG знать-PST.PART NEG.AUX-1SG
 ‘Я не знал, что ты выпил чай’ [Ibid.].

Переходя в свете всего вышесказанного к анализу литовских конструкций *accusativus cum participio*, укажу, что в следующих разделах я, во-первых, рассматриваю аргументы за и против их трактовки в терминах подъема и прихожу к выводу, что в литовском фактически представлены две разные конструкции, ни одна из которых не демонстрирует подъема; во-вторых, обращаюсь к вопросу об источнике аккумулятива вложенного субъекта и прихожу к заключению, что он приписывается внутри зависимой клаузы, а не при помощи механизма «исключительного падежного маркирования».

²¹ Конструкции с аккумулятивом вложенного субъекта при непереходном матричном предикате встречаются также, например, в ирландском и латинском языках, см. [Sundaresan, McFadden 2009: 18].

²² Это опять же связано с понятием фазы. Запрет на приписывание аккумулятива двум актантам одного глагола может действовать лишь в рамках фазы, а ЕСМ-аккумулятив приписывается в позиции спецификатора CP, т.е. за пределами той фазы, в которой был приписан аккумулятив прямому объекту.

3. АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДЪЕМА В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Целый ряд фактов может быть использован в пользу трактовки литовских конструкций «аккузатив с причастием» в терминах подъема. Это разного рода диагностики, указывающие на то, что «логический субъект» пропозиционального актанта занимает синтаксическую позицию прямого объекта матричного предиката. Ниже я рассмотрю эти факты и продемонстрирую, что на самом деле они либо непоказательны, либо касаются лишь части интересующих нас конструкций.

Во-первых, в позиции вложенного субъекта допускаются анафоры – возвратные (ср. 39) и взаимные (ср. 40) местоимения, – ср. их употребление в позиции обычного прямого объекта (41).

(39) ...aš_i pasipasakoj-us daktar-*ui* apie savo sapn-ą,
я:НОМ рассказать-РСТ.РА(НОМ.СГ.Ф) доктор-ДАТ.СГ о свой сон-АСС.СГ
kuri-ame sapnav-a-u_i sav-e_i stov-i-nt operacin-ėje...
который-ЛОС.СГ.М видеть.ВО.СНЕ-ПСТ-1СГ себя-АСС стоять-ПРС-РА операционная-ЛОС.СГ
'...я рассказала доктору о своем сне, в котором я видела себя стоящей в операционной...'²³

(40) Rajon-o politik-ai_i vis dažniau įtari-a
район-ГЕН.СГ политик-НОМ.ПЛ все чаще подозревать-ПРС
[vien-as kit-q]_i priim-a-nt politini-us sprendim-us.
один-НОМ.СГ.М другой-АСС.СГ.М принять-ПРС-РА политический-АСС.ПЛ.М решение-АСС.ПЛ
'Районные политики все чаще подозревают друг друга в принятии политически мотивированных решений'²⁴.

(41) a. J-is_i gerbi-a sav-e_i.
он-НОМ.СГ.М уважать-ПРС себя-АСС
'Он уважает себя'.

b. J-ie_i gerbi-a [vien-as kit-q]_i.
он-НОМ.ПЛ.М уважать-ПРС один-НОМ.СГ.М другой-АСС.СГ
'Они уважают друг друга'.

Примеры типа (39) и (40), однако, непоказательны, поскольку в литовском языке допускается дальнейшее связывание (long-distance binding). Так, в (42) рефлексив, вложенный в косвенный объект инфинитивного оборота, может связываться субъектом матричного глагола; в (43) и (44) аналогичная конфигурация наблюдается в accusativus cum participio с рефлексивным и реципрокальным местоимениями соответственно.

(42) Algird-as_i liep-ė Jurgi-*ui*_j [grįž-ti i savo]_{i/j} kambar-į].
Альгирдас-НОМ.СГ велеть-ПСТ Юргис-ДАТ.СГ вернуться-ИНФ в своей комната-АСС.СГ
'Альгирдас велел Юргису вернуться в свою (=Альгирдаса/Юргиса) комнату'.

(43) Jon-as_i įrod-ė Algird-a-_j [buv-us savo]_{i/j} kambar-yje]²⁵.
Йонас-НОМ.СГ доказать-ПСТ Альгирдас-АСС.СГ быть-ПСТ.РА свой комната-ЛОС.СГ
'Йонас доказал, что Альгирдас был в своей (=Альгирдаса)/его (=Йонаса) комнате'.

(44) Du filosof-ai_i man-ė [[vien-as kit-o]_i].
два:НОМ.М философ-НОМ.ПЛ считать-ПСТ один-НОМ.СГ.М другой-ГЕН.СГ.М

²³ <http://medikai.org/19>

²⁴ <http://www.gargzdai.lt/?lt=1148888566>

²⁵ Левая граница зависимой клаузы в этом и следующем примерах отмечена условно; в данном случае важно лишь, что группа, содержащая местоимение, не может находиться в матричном предложении.

knyg-ose *es-a-nt* daug nesąmoni-ų].

книга-LOC.PL быть-PRS-PA много глупость-GEN.PL

‘Каждый из двух философов считал, что в книгах другого много глупостей’ (букв. «Два философа считали книги друг друга содержащими много глупостей»).

Во-вторых, вложенный субъект при отрицании матричного глагола может оформляться генитивом, аналогично тому как прямой объект при отрицании сказуемого обязательно выступает в генитиве, ср. примеры (45) и (46).

(45) *Jon-as ne-paraš-ė laišk-o // *laišk-q.*
Йонас-NOM.SG NEG-написать-PST письмо-GEN.SG // *письмо-ACC.SG
‘Йонас не написал письмо’.

(46) *Policij-a ne-įtari-a Jon-o // *Jon-q*
полиция-NOM.SG NEG-подозревать-PRS Йонас-GEN.SG // *Йонас-ACC.SG
užmuš-us savo žmon-q.
убить-PST.PA свой жена-ACC.SG
‘Полиция не подозревает Йонаса в том, что он убил свою жену’.

Данная диагностика, однако, также оказывается слабой, поскольку правило о генитиве отрицания в литовском языке пересекает границу клаузы, ср. пример (47).

(47) ... *gyventoj-ai sukil-o ir ne-leid-o j-am [skaity-ti lekcij-ų].*
житель-NOM.PL подняться-PST и NEG-позволить-PST он-DAT.SG.M читать-INF лекция-GEN.PL
‘... жители взбунтовались и не позволили ему читать лекции’²⁶.

С другой стороны, примеры (46) и (47) не вполне аналогичны: в (46) объект зависимой клаузы *savo žmoną* ‘свою жену’ оформлен аккузативом, что необъяснимо при гипотезе о «дальнем» действии отрицания. Тем не менее, как мы увидим ниже, генитив при отрицании, точнее его от с у т в и е на вложенном субъекте, может служить сильным аргументом против гипотезы подъема.

В-третьих, вложенный субъект может линейно располагаться между элементами главного предложения, будучи перемещенным, например, в позицию перед матричным глаголом, подобно обычному прямому объекту, ср. примеры (48) и (49).

(48) *Tik patirt-is ir kanči-a žmog-ų_i padar-o t_i žmog-umi...*
только опыт-NOM.SG и страдание-NOM.SG человек-ACC.SG делать-PRS человек-INS.SG
‘Лишь опыт и страдание человека делают человеком’ (LKT).

(49) *Žmog-us [išorin-ius atribut-us]_i gal-i many-ti t_i*
человека-NOM.SG внешний-ACC.PL атрибут-ACC.PL мочь-PRS считать-INF
es-a-nt savo pat-ies dal-imi.
быть-PRS-PA свой сам-GEN.SG часть-INS.SG
‘Человек внешние атрибуты может считать частью самого себя’²⁷.

Обращение к более широкому материалу показывает, что выдвигание составляющих из нефинитных актантажных клауз допускается в литовском свободно, ср. примеры (50), где вынесен объект инфинитивного оборота, и (51), где из конструкции *accusativus cum participio* извлечено обстоятельство места. Тем самым примеры вроде (49) вполне могут описываться как вынос из зависимой клаузы (*long-distance scrambling*), а не непременно как перемещение составляющей внутри клаузы.

(50) *Es-u girdėj-ęs, kad kai kuri-ose mokykl-ose*
AUX-PRS.1SG слышать-PST.PA.NOM.SG.M что кое который-LOC.PL.F школа-LOC.PL
[ši-q knyg-q]_i liepi-a [skaity-ti t_i].
ЭТОТ-ACC.SG.F книга-ACC.SG велеть-PRS читать-INF

²⁶ <http://www.balsas.lt/naujiena/185763/dovido-strauso-sukaktuves>

²⁷ www.porteris.com/shapoka/mados%20psichologija.doc

‘Я слышал, что в некоторых школах эту книгу велют читать’²⁸.

- (51) *Toki-a agnostin-ė pozicij-a ne-trukd-o*
 такой-NOM.SG.F агностический-NOM.SG.F позиция-NOM.SG NEG-мешать-PRS
 [aukščiausi-oje hierarchij-os pakop-oje]; *suvok-ti t_i es-a-nt Diev-a.*
 высший-LOC.SG.F иерархия-GEN.SG уровень-LOC.SG понять-INF быть-PRS-PA Бог-ACC.SG
 ‘Такая агностическая позиция не мешает на самом высоком уровне иерархии полагать существование Бога’²⁹.

Более весомым аргументом представляется позиция обстоятельство: по крайней мере при некоторых матричных глаголах обстоятельства, модифицирующие причастие, не могут располагаться левее вложенного субъекта, что говорит о его принадлежности матричной клаузе, ср. пример (52).

- (52) a. *Mat-a-u Jurg-į [lėtai vaikščioj-a-nt park-e].*
 видеть-PRS-1SG Юргис-ACC.SG медленно гулять-PRS-PA парк-LOC.SG
 ‘Я вижу Юргиса медленно гуляющим в парке’.
- b. **Mat-a-u lėtai Jurg-į [vaikščioj-a-nt park-e].*
 видеть-PRS-1SG медленно Юргис-ACC.SG гулять-PRS-PA парк-LOC.SG
 ожидаемое значение ‘= (52a)’

Тем не менее, как будет показано ниже, с другими матричными предикатами обстоятельства демонстрируют противоположное поведение.

В-четвертых, подобно обычному прямому объекту, вложенный субъект конструкции *accusativus cum participio* может продвигаться в позицию подлежащего матричного глагола при его пассивизации, ср. пример (53). В этом случае конструкция выглядит уже как *nominativus cum participio* с причастием, согласованным по роду, числу и именительному падежу с матричным подлежащим (= бывшим аккузативным «логическим субъектом»).

- (53) *Vaikin-as buv-o įtari-a-m-as ... iš šešiolikmeči-o*
 парень-NOM.SG AUX-PST подозревать-PRS-PP-NOM.SG.M из шестнадцатилетний-GEN.SG.M
berniuk-o atėm-ęs dvirat-į.
 мальчик-GEN.SG отнять-PST.PA.NOM.SG.M велосипед-ACC.SG
 ‘Парень был подозреваем в том, что отнял у шестнадцатилетнего мальчика велосипед’ (LKT).

Наконец, при одном из матричных глаголов, сочетающихся с конструкцией «аккузатив с причастием», – *laukti* ‘ждать’, который обычно приписывает своему объекту генитив, ср. пример (54)³⁰, – вложенный субъект также оформляется генитивом, ср. пример (55).

- (54) *Lauki-u autobus-o // *autobus-a.*
 ждать-PRS.1SG автобус-GEN.SG // *автобус-ACC.SG
 ‘Я жду автобуса’.
- (55) *Lauk-si-u aš tav-ęs atein-a-nt.*
 ждать-FUT-1SG я:NOM ты-GEN.SG придти-PRS-PA
 ‘Я буду ждать, что ты придешь’ (LKT).

Тем не менее, как мы увидим ниже, генитивное оформление вложенного субъекта при глаголе *laukti* ‘ждать’ не является обязательным; кроме того, сам этот факт не может служить аргументом при выборе между подъемом и ЕСМ.

²⁸ <http://skaityta.lt/review/get/78>

²⁹ http://ct.svs.lt/Imenas/?leid_id=3053&kas=straipsnis&st_id=6983

³⁰ В Интернете встречаются и примеры с аккузативом; такое оформление, однако, отвергается даже молодыми информантами как ненормативное.

Таким образом, из рассмотренных диагностик подъема три – связывание анафоров, генитив отрицания и порядок слов – оказываются малопоказательными. Единственная диагностика, казалось бы, однозначно свидетельствующая о том, что вложенный субъект является прямым объектом матричного предиката, – это пассивизация. Остановимся на ней подробнее.

По предположению (как представляется, вполне законному, см. подробнее о литовском пассиве [Генюшене 1974; Geniušienė 2006]), способность аккумулятивной ИГ продвигаться в позицию подлежащего при пассивизации глагола свидетельствует о том, что эта ИГ занимает позицию прямого объекта при этом глаголе³¹. Однако для того, чтобы пассивизация могла рассматриваться как диагностика подъема в конструкции «аккумулятив с причастием», недостаточно продемонстрировать, что аккумулятивная ИГ является прямым объектом матричного глагола; необходимо также показать, что эта ИГ появилась в данной позиции в результате передвижения, а не была, например, изначально порождена в ней.

Более подробный анализ пассивизации в конструкциях *accusativus cum participio* показывает, что она допускается лишь с довольно ограниченным классом матричных предикатов³²: *girdėti* ‘слышать’, *matyti* ‘видеть’, *vaizduoti* ‘изображать’, *pristatyti* ‘представить’, *įtarti* ‘подозревать’, *vaizduotis* ‘воображать’, *skųsti* ‘жаловаться’, *suvokti* ‘полагать’, *pripažinti* ‘признать’. Большая часть матричных глаголов, сочетающихся с причастными клаузами, не допускает пассивизации, ср. неграмматичные примеры (56) и (57). Важно, однако, что данное ограничение касается лишь сочетаний этих глаголов с *accusativus cum infinitivo*: как показывают (58) и (59), те же глаголы свободно пассивизируются в обычных клаузах.

- (56) *Kaltinam-asis   *buv-o*   *įrody-t-as*   *es-ąs*
 обвиняемый-NOM.SG.M.DEF   AUX-PST   доказать-PST.PP-NOM.SG.M   БЫТЬ-PRS.PA.NOM.SG.M
nekalt-as.
 невиновный-NOM.SG.M
 ожидаемое значение: ‘Было доказано, что обвиняемый невиновен’.
- (57) *Kurši-ai   *buv-o*   *suprant-a-m-i*   *es-q*
 курш-NOM.PL   AUX-PST   понять-PRS-PP-NOM.PL.M   БЫТЬ-PRS.PA.NOM.PL.M
vien-a   *iš*   *latvi-ų*   *potauči-ų*.
 один-INS.SG.F   из   латыш-GEN.PL   племя-GEN.PL
 ожидаемое значение: ‘Курши понимались как одно из латышских племен’.
- (58) *...nes*   *ne-buv-o*   *įrody-t-as*   *kyši-o*
 потому, что   NEG-AUX-PST   доказать-PST.PP-NOM.SG.M   взятка-GEN.SG

³¹ В литовском языке допускается пассивизация конструкции с фазовым глаголом, при которой в позицию подлежащего продвигается объект вложенного (смыслового) глагола, ср. пример (i) [Генюшене 1974: 219]:

- (i) a. *Tėv-as*   *pradėj-o*   *staty-ti*   *nam-q*.
 отец-NOM.SG   начать-PST   строить-INF   дом-ACC.SG
 ‘Отец начал строить дом’.
- b. *Nam-as*   *buv-o*   *pradė-t-as*   *staty-ti*   *(tėv-o)*.
 дом-NOM.SG   AUX-PST   начать-PST.PP-NOM.SG.M   строить-INF   отец-GEN.SG
 ‘Дом начал строиться (букв. «был начат строить») (отцом)’.

Такого рода примеры, однако, свидетельствуют не о возможности какой-либо «дальней пассивизации», но лишь о том, что конструкции с фазовыми глаголами в литовском языке особенно тесно интегрированы, представляя собою скорее не две клаузы, а один сложный предикат (*clause union* или *restructuring*, см. [Wurmbrand 2001]).

³² Этот класс несколько размыт; в частности, разные носители допускают пассивизацию с разными глаголами. Ниже я рассматриваю лишь те глаголы, относительно которых мнения носителей были наиболее единообразны.

ëmim-o   *fakt-as.*
 взятие-GEN.SG   факт-NOM.SG

‘...потому что не был доказан факт получения взятки’ (LKT).

- (59) *Jëz-aus*   *asmuo*   *ir*   *J-o*   *misij-a*   *yra*
 Иисус-GEN.SG   личность:NOM.SG   и   он-GEN.SG   миссия-NOM.SG   AUX:PRS:3
suprant-a-m-i   *ir*   *be*   *stebukl-ų.*
 понять-PRS-PP-NOM.PL.M   и   без   чудо-GEN.PL
 ‘Личность Иисуса и Его миссия понятны и без чудес’ (LKT).

Таким образом, независимо от того, как интерпретировать пассивные конструкции типа (53), примеры вроде (56) и (57) указывают на то, что аккузативный вложенный субъект при глаголах, не допускающих пассивизации в конструкциях «аккузатив с причастием», занимает позицию, отличную от позиции этой ИГ при глаголах, при которых пассивизация такой конструкции разрешена (ср. во многом сходные выводы относительно конструкций *accusativus cum infinitivo* в латыни в работах [Bolkestein 1979] и [Schoof 2004]).

Вернувшись к конструкциям, допускающим пассивизацию, можно заметить, что почти все они обладают следующим свойством: предложение с таким глаголом в сочетании с причастной клаузой логически имплицитно предпологает предложение с вложенным субъектом такой клаузы в функции обычного прямого объекта, ср. пример (60а) и схему (60б). Напротив, с глаголами, не допускающими пассивизацию, такая импликация отсутствует, чаще всего потому, что вложенный субъект причастной клаузы вообще не может выступать в качестве их обычного прямого объекта из-за семантической несочетаемости, ср. (60с).

- (60) a. *Mač-ia-u*   *tëv-q*   *parein-ant.*   →   *Mačiau*   *tëv-q.*
 видеть-PST-1SG   отец-ACC.SG   прийти-PRS.PA   видеть-PST-1SG   отец-ACC.SG
 ‘Я видел отца возвращающимся’.

b. V NP_{ACC} V_{PART} → V NP_{ACC}

- c. *Sak-ia-u*   *tëv-q*   *parėj-us.*   vs.   *Sakiau   *tëv-q*
 сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG   прийти-PST-PA   сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG
 ‘Я сказал, что отец пришел’.

При пассивизации соответствующие глаголы демонстрируют ту же импликацию, ср. пример (61а) и схему (61б):

- (61) a. *Tëv-as*   *buv-o*   *mat-o-m-as*   *parein-ąs.*   →
 отец-NOM.SG   AUX-PST   видеть-PRS-PP-NOM.SG.M   прийти-PRS.PA-NOM.SG.M
 ‘Отец был увиден возвращающимся’.

→ *Tëv-as*   *buv-o*   *mat-o-m-as.*
 отец-NOM.SG   AUX-PST   видеть-PRS-PP-NOM.SG.M
 ‘Отец был увиден’.

b. NP_{NOM} V_{PASS} V_{PART} → NP_{NOM} V_{PASS}

Вывод, напрашивающийся при анализе этих данных, состоит в том, что пассивизация сочетания матричного глагола с причастной клаузой допускается лишь в том случае, когда «логический субъект» последней порождается в позиции прямого объекта матричного глагола и получает от него семантическую роль. В таком случае в примерах вроде (61а) или (62) мы имеем дело не с подъемом субъекта пропозиционального актанта в позицию матричного прямого объекта с последующей пассивизацией, ср. схему (63а), а с контролем нулевого субъекта (PRO) причастной клаузы из позиции продвинутого пассивизацией субъекта матричного предиката, ср. схему (63б).

- (62) *Jurg-is*   *buv-o*   *pristaty-t-as*
 Юргис-NOM.SG   AUX-PST   представить-PST.PP-NOM.SG.M
es-ąs   *žurnalist-as.*
 быть-PRS.PA-NOM.SG.M   журналист-NOM.SG

‘Юргис был представлен как журналист’.

- (63) a. NP_{NOMi} V_{PASS} t_i [t_i V_{PART}]
 b. NP_{NOMi} V_{PASS} t_i [PRO_i V_{PART}]

Как представляется, ничто не мешает экстраполировать такой анализ и на соответствующие активные предложения вроде (60a) или (64). В таком случае они являются собой случай объектного контроля нулевого субъекта причастия, ср. схему (65a), а не подъема³³, ср. схему (65b).

- (64) *Pristači-a-u Jurg-į es-a-nt žurnalist-u.*
 представить-PST-1SG Юргис-ACC.SG быть-PRS-PA журналист-INS.SG
 ‘Я представил Юргиса журналистом’.

- (65) a. V NP_{ACCi} [PRO_i V_{PART}]
 b. V NP_{ACCi} [t_i V_{PART}]

Следует, однако, указать, что принципиальная допустимость трактовки конструкций «аккузатив с причастием» при глаголах типа *matyti* ‘видеть’, *įtarti* ‘подозревать’ и других, разрешающих пассивизацию, в качестве объектного контроля не исключает при тех же глаголах конструкций иного рода, для которых такая трактовка невозможна. Как хорошо известно (см. сн. 6) и как было отмечено для данных литовских конструкций, например, в работе [Holvoet, Judžentis 2003: 144], глаголы восприятия могут выражать не только непосредственное чувственное восприятие, для которого действительна импликация (60b), но и значения, связанные с непрямым (опосредованным, ментальным) восприятием, для которых такой импликации нет, ср. пример (66), где глагол *girdėti* ‘слышать’ обозначает не непосредственное восприятие ситуации ‘у кого-то неприятности’, а опосредованное чужой речью.

- (66) ...*girdėj-o t-q turėj-us nemalonum-ų.*
 слышать-PST TOT-ACC.SG иметь-PST.PA неприятность-GEN.PL
 ‘...он слышал, что у того неприятности’ (LKT).

Кроме того, даже в значении чувственного восприятия такие глаголы сочетаются с причастными клаузами вовсе без какого-либо «логического субъекта», который мог бы выступать в позиции объекта при матричном глаголе (ср. 67 = 17):

- (67) *Vien-a ryt-q nubud-ęs pro lang-q*
 один-ACC.SG утро-ACC.SG проснуться-PST.PA.NOM.SG.M через окно-ACC.SG
pa-mač-ia-u sning-a-nt.
 PRV-видеть-PST-1SG идти.о.снеге-PRS-PA
 ‘Однажды утром, проснувшись, я увидел через окно, что идет снег’ (LKT).

Тем самым, корректно будет сказать, что при ряде матричных предикатов, в первую очередь при глаголах восприятия, за конструкциями «аккузатив с причастием» фактически «скрываются» две разные, но поверхностно идентичные синтаксические структуры: с одной стороны, конструкция с объектным контролем (65a) и, с другой стороны, конструкция, структуру которой еще предстоит прояснить. Единственно, представляется обоснованным считать, что пассивные предложения вроде (53), (61a), (62) основаны лишь на конструкциях с объектным контролем; об этом свидетельствует как их

³³ Альтернативный анализ в терминах атрибутивной модификации или вторичной предикации для синхронного анализа таких конструкций не подходит, хотя и отражает их исторические истоки, см. [Амбразас 1990: 141–143]. Дело в том, что в литовском языке атрибуты должны согласовываться с именем, а вторичные предикаты должны выступать в инструментальном падеже, см. [Timberlake 1988; Holvoet 2004; Giparaitė 2010].

семантика, так и тот факт, что те матричные предикаты, для которых анализ в терминах объектного контроля на независимых основаниях маловероятен или невозможен, пассивизации не допускают.

Обратимся теперь к анализу конструкций второго типа, выступающих при матричных предикатах, не допускающих пассивизации в сочетании с *accusativus cum infinitivo*. Анализ в терминах объектного контроля для них заведомо непригоден, потому что вложенный субъект в таких предложениях занимает синтаксическую позицию, отличную от позиции прямого дополнения матричного глагола. Какова эта позиция? Ниже я приведу ряд аргументов за то, что «логический субъект» пропозиционального актанта таких глаголов находится во вложенной клаузе.

Во-первых, как уже было отмечено выше, вложенный субъект не всегда подчиняется правилу о генитиве отрицания: при отрицании матричного глагола данная ИГ может сохранять аккузативное оформление (ср. 68а, 69а и 70а); однако обычный объект при таких глаголах обязательно маркируется генитивом под отрицанием (ср. 68b, 69b и 70b).

- (68) a. *Mit-ai atskleidži-a žmog-ui pači-q gili-qja*
 миф-NOM.SG открыть-PRS человек-DAT.SG сам-ACC.SG.F глубокий-ACC.SG.F.DEF
ties-q, bet tik tada, kai j-is ne-žin-o
 правда-ACC.SG но только тогда когда он-NOM.SG.M NEG-знать-PRS
j-uos es-a-nt mit-ais.
 он-ACC.PL.M быть-PRS-PA миф-INS.PL
 ‘Мифы открывают человеку самую глубокую правду, но лишь тогда, когда он не знает, что они мифы’³⁴.
- b. *Kaip juokinga, juk net ne-žin-o j-o vard-o.*
 как смешно ведь даже NEG-знать-PRS он-GEN.SG.M имя-GEN.SG
 ‘Как смешно, ведь [она] даже не знает его имени’ (ЛКТ).
- (69) a. *Mokslinink-ai ne-įrod-ė rūkym-q // *rūkym-o*
 ученый-NOM.PL NEG-доказать-PST курение-ACC.SG//*курение-GEN.SG
es-a-nt žaling-u.
 быть-PRS-PA вредный-INS.SG.M
 ‘Ученые не доказали, что курение вредно’.
- b. *...niek-as ne-įrod-ė koki-os nors mūs-ų kalt-ės.*
 никто-NOM.SG.M NEG-доказать-PST какой-GEN.SG.F либо мы-GEN вина-GEN.SG
 ‘...никто не доказал какой-либо нашей вины’ (ЛКТ).
- (70) a. *Ne-suprat-a-u tėv-q // *tėv-o išvyk-us.*
 NEG-понять-PST-1SG отец-ACC.SG // *отец-GEN.SG отбыть-PST.PA
 ‘Я не понял, что отец уехал’.
- b. *Apsimeči-a-u, kad ne-suprat-a-u j-o metafor-ų.*
 притвориться-PST-1SG что NEG-понять-PST-1SG он-GEN.SG.M метафора-GEN.PL
 ‘Я притворился, будто не понимал его метафор’ (ЛКТ).

Хотя выбор между аккузативом и генитивом на вложенном субъекте при отрицании матричного предиката демонстрирует значительные расхождения между носителями, тот факт, что сохранение аккузативного маркирования в данной конструкции вообще возможно, однозначно свидетельствует о том, что между матричным предикатом и вложенным субъектом проходит граница фазы, т. е. клаузы – составляющей типа СР. Появление генитива вместо аккузатива может объясняться, например, перемещением вложенного субъекта на границу фазы, т. е. в спецификатор СР, но в данном случае важно то, что он может находиться и в более низкой структурной позиции.

Еще один важный факт, связанный с этим, состоит в неполном, но весьма существенном совпадении множеств матричных глаголов, не допускающих пассивизации в со-

³⁴ http://aidai.us/index.php?option=com_content&task=view&id=6926&Itemid=471

четании с причастной клаузой и разрешающих аккузативное маркирование вложенного субъекта при отрицании. Очевидно, что оба признака имеют одно и то же объяснение – положение вложенного субъекта в зависимой клаузе, – поэтому вовсе не случайно, что они определенным, хотя и не абсолютным образом между собою коррелируют.

Во-вторых, в позиции вложенного субъекта причастной клаузы допускаются прономиналы (местоимения 3-го лица), кореферентные матричному подлежащему, ср. пример (71a). Связывание прономинала в позиции прямого объекта копредикатным подлежащим в литовском языке запрещено, ср. пример (71b), тем самым примеры вроде (71a) также указывают на границу клаузы, отделяющую вложенный субъект от матричного предложения.

- (71) a. *Jurg-is_i   itari-a   j-o_{i/j}   žmon-q   j-ì   apgaun-a-nt.*
 Юргис-NOM.SG   подозревает-PRS   он-GEN.SG.M   жена   он-ACC.SG.M   обмануть-PRS-PA
 ‘Юргис подозревает, что его (Юргиса/чья-то чужая) жена его обманывает’.
- b. *Jurg-is_i   myl-i   j-o*_{i/j}   žmon-q.*
 Юргис-NOM.SG   любить-PRS   он-GEN.SG.M   жена-ACC.SG
 ‘Юргис любит его/*свою жену’.

Следует сразу отметить, что допустимость в позиции вложенного субъекта прономинала никак не зависит от возможности употребить в той же позиции анафор, продемонстрированной выше в примерах (39), (40). Как было указано там же, рефлексивное местоимение в литовском языке является дистантным, т. е. его допустимость в той или иной позиции сама по себе ничего не говорит о синтаксическом «расстоянии» между нею и антецедентом анафора.

В-третьих, в отличие от причастных клауз при глаголах вроде *matyti* ‘видеть’, ср. пример (52), при матричных глаголах, не допускающих пассивизации, не наблюдается ограничений на взаимное расположение вложенного субъекта и обстоятельств, относящихся к причастию, ср. пример (72). Линейный порядок в примере (72b) может быть объяснен лишь расположением вложенного субъекта в зависимой клаузе.

- (72) a. *Sak-ia-u   [Jurg-ì   rytoj   atvyk-si-ant].*
 сказать-PST-1SG   Юргис-ACC.SG   завтра   приехать-FUT-PA
 ‘Я сказал, что Юргис приедет завтра’.
- b. *Sak-ia-u   [rytoj   Jurg-ì   atvyk-si-ant].*
 сказать-PST-1SG   завтра   Юргис-ACC.SG   приехать-FUT-PA
 ‘=(72a)’

В-четвертых, имеется целый ряд фактов, указывающих на то, что вложенный субъект и причастие образуют единую составляющую. Это такие диагностики, как «эффект крысолова» (*ried-pīping*), пример (73), топикализация, пример (74), и эллипсис, пример (75), – ни один из этих примеров не получил бы объяснения при предположении о подъеме субъекта причастной клаузы в позицию прямого объекта главного предложения.

- (73) *...toliau perskait-a-u apie T-q,   [kur-ì   atei-si-ant]_i*
 дальше   читать-PRS-1SG   о   тот-ACC.SG.M   который-ACC.SG.M   прийти-FUT-PA
Jon-as   skelb-ė   t_i...
 Иоанн-NOM.SG   объявить-PST
 ‘...я дальше читаю о Том, Чей приход возвестил Иоанн...’³⁵
- (74) *[Jurg-ì   gyven-a-nt   Vilni-uje]_i   ne-žinoj-a-u   t_i.*
 Юргис-ACC.SG   жить-PRS-PA   Вильнюс-LOC.SG   NEG-знать-PST-1SG
 ‘Что Юргис живет в Вильнюсе, я не знал’.

³⁵ www.bernardinai.lt/parapija/laikrastelis/archyvas/lankstinukas%20nr_105.pdf

- (75) *Tėv-as jau žin-o [Jurg-į atvyk-us],*
отец-NOM.SG уже знать-PRS Юргис-ACC.SG приехать-PST.PA
o motin-a dar ne-žin-o [Jurgį atvykus].
а мать-NOM.SG еще NEG-ЗНАТЬ-PRS
‘Отец уже знает, что Юргис приехал, а мать еще не знает [этого]’.

Наконец, в одном из подтипов конструкции «аккузатив с причастием» аккузативный субъект вложенной клаузы занимает позицию не между матричным глаголом и причастием, а после причастия. Такой порядок характерен для случаев, когда вложенный субъект представляет собой новую информацию и входит в рему, ср. примеры (76)–(78). Следует отметить, что порядок «причастие – аккузативный субъект» допускается в том числе при матричных глаголах, разрешающих пассивизацию (ср. 77), и даже при глаголе *laukti* ‘ждать’ (ср. 78)³⁶.

- (76) *Profesori-us ... prisimin-ė [buv-us ant vargon-ų*
профессор-NOM.SG вспомнить-PST быть-PST.PA на орган-GEN.PL
angel-ų skulptūr-as].
ангел-GEN.PL скульптура-ACC.PL
‘Профессор ... вспомнил, что на органе были скульптуры ангелов’³⁷.
- (77) *...ir mat-o [nuo mišk-o atein-a-nt kareiv-į ...]*
и видеть-PRS от лес-GEN.SG прийти-PRS-PA солдат-ACC.SG
‘...и видит, что со стороны леса идет солдат...’ (LKT).
- (78) *Todėl daugel-is nekantriai lauk-ė*
поэтому множество-NOM.SG нетерпеливо ждать-PST
[pasirod-a-nt nauj-ojo darb-o].
появиться-PRS-PA новый-GEN.SG.M.DEF работа-GEN.SG
‘Поэтому многие люди с нетерпением ждут, что появится новая работа’ (LKT).

Несколько тестов указывают на то, что в этой линейной позиции вложенный субъект также находится внутри вложенной клаузы. Во-первых, если вложенный предикат – бытийный глагол под отрицанием, то вложенный субъект закономерно оформляется генитивом (ср. 79а и 79b). Это возможно лишь в том случае, если вложенный субъект находится в зависимой клаузе, поскольку приписывание падежа «снизу вверх» не допускается³⁸.

- (79) а. *Tiki-uo-si mano straipsn-yje ne-s-a-nt klaid-ų // *klaid-as.*
надеяться-PRS.1SG-RFL мой статья-LOC.SG NEG-быть-PRS-PA ошибка-GEN.PL/**ACC.PL
‘Я надеюсь, что в моей статье нет ошибок’³⁹.

³⁶ Пример (78) зафиксирован в корпусе; подобные примеры, однако, отвергались моими консультантами, которые предпочитали оформлять вложенный субъект в позиции после причастия аккузативом (см. 85).

³⁷ <http://www.mairioniomuziejus.lt/586>

³⁸ Разумеется, можно предположить, что в примерах, подобных (79а), вложенный субъект сначала получает генитив от зависимого предиката, а затем поднимается в главную клаузу, но никаких разумных оснований для такой гипотезы нет, более того, она опровергается примерами вроде (81).

³⁹ Стоит отметить, что встречаются также примеры вроде (ii), где генитив на вложенном субъекте, располагающемся после причастия, как будто мотивирован отрицанием на матричном глаголе. Такая трактовка, однако, необязательна, поскольку в литовском нереперентный субъект бытийного предиката может оформляться генитивом и без отрицания, ср. ниже пример (88).

- (ii) *Ekspert-ai ne-man-o [es-a-nt problem-ų].*
эксперт-NOM.PL NEG-считать-PRS быть-PRS-PA проблема-GEN.PL
‘Эксперты не считают, что есть проблемы’ (www.beswic.be/fop/lithuania/lt/pdfs/dir93_103_lt.pdf).

b. *Mano straipsn-yje nėra klaid-ų // *klaid-os.*
 мой статья-LOC.SG NEG+БЫТЬ:PRS:3 ошибка-GEN.PL//ошибка-NOM.PL
 ‘В моей статье нет ошибок’.

Во-вторых, в позиции вложенного субъекта после причастия допускаются прономиналы, кореферентные матричному субъекту, ср. пример (80).

(80) *Jon-as_i įrod-ė Algird-o_j kambar-yje*
 Йонас-NOM.SG доказать-PST Альгирдас-GEN.SG комната-LOC.SG
buv-us j-o_{i/j} šautuv-q.
 быть-PST.PA он-GEN.SG.M ружье-ACC.SG
 ‘Йонас доказал, что в комнате Альгирдаса было его (=Йонаса/Альгирдаса) ружье’.

В-третьих, вложенный субъект, располагающийся после причастия, может интерпретироваться только во вложенной клаузе, что свидетельствует о том, что он не пересекает границы соответствующей фазы. Об этом говорит пример (81), в котором допускается лишь узкая сфера действия квантифицированной ИГ ‘два студента’ по отношению к матричному глаголу⁴⁰. Предложение (81), по мнению моих консультантов, допустимо лишь в ситуации, когда учитель оценивает возможное количество студентов в комнате, не имея в виду никаких конкретных двух студентов (‘во всех возможных мирах, совместимых с мыслями учителя, в комнате находится два студента’), но не в ситуации, когда имеется два конкретных студента, о которых думает учитель (‘существуют два студента, такие что во всех возможных мирах, совместимых с мыслями учителя, они находятся в комнате’).

(81) *Mokytoj-as man-o [kambar-yje es-a-nt du student-us].*
 учитель-NOM.SG считать-PRS комната-LOC.SG быть-PRS-PA два(ACC.PL.M) студент-ACC.PL
 ‘Учитель думает, что в комнате находятся два студента’.

Наконец, наиболее интересно в связи с конструкциями с вложенным субъектом после причастия то, что с некоторыми матричными глаголами вообще не допускаются конструкции *accusativus cum participio* иного типа, т. е. такие, где вложенный субъект располагался бы перед причастием (ср. 82a и 82b). Причины такого ограничения неясны, однако очевидно, что оно никак не может быть объяснено в рамках концепции подъема.

(82) а. **Birut-ė apsimet-ė savo vaikel-į serg-a-nt.*
 Бируте-NOM.SG притвориться-PST свой ребенок-ACC.SG болеть-PRS-PA
 ожидаемое значение: ‘Бируте притворилась, будто у нее болеет ребенок’.
 б. *Birut-ė apsimet-ė savo nam-uose ne-s-a-nt pinig-ų.*
 Бируте-NOM.SG притвориться-PST свой дом-LOC.PL NEG-БЫТЬ-PRS-PA деньги-GEN.PL
 ‘Бируте притворилась, будто у нее дома нет денег’.

⁴⁰ Ср. обратные эффекты так называемой антиреконструкции (*antireconstruction*) – облигаторно широкой сферы действия ИГ, вызывающих «дальнее согласование», – в ительменском, см. [Bobaljik, Wurmbrand 2004: 11–13]; эти эффекты, однако, отсутствуют при дальнем согласовании в цезском, см. [Polinsky, Potsdam 2001: 619]. Для объяснения ительменской антиреконструкции Дж. Бобалик и С. Вурмбранд предполагают механизм объединения клауз (*restructuring*), который по независимым причинам (высокая степень автономности вложенной клаузы) не подходит и не требуется ни для цезского, ни для литовского; при этом если в цезском дальнее согласование возможно лишь с топикализованным (переместившимся на LF в позицию на границе клаузы) аргументом, в литовском не действует даже это требование. Тем самым, забегая вперед, можно сказать, что примеры типа (76)–(81) свидетельствуют не только против подъема, но и против ЕСМ в литовских конструкциях *accusativus cum participio*.

Все приведенные факты вполне однозначно свидетельствуют о том, что в той разновидности конструкций «аккузатив с причастием», которая по независимым причинам не может быть описана как объектный контроль, вложенный субъект входит в состав причастной клаузы и образует с нею единую составляющую. Иными словами, ни один из подтипов литовских конструкций *accusativus cum participio* не может быть описан в рамках концепции подъема.

4. МЕХАНИЗМ ПРИПИСЫВАНИЯ ПАДЕЖА ВЛОЖЕННОМУ СУБЪЕКТУ

В рамках «основной» генеративной теории, изложенной в разделе 2 настоящей статьи, имеется лишь две возможности для анализа интересующих нас конструкций: подъем и «исключительное падежное маркирование» (ЕСМ). Соответственно, если эмпирические данные требуют отвергнуть анализ в терминах подъема, остается единственная альтернатива, а именно ЕСМ. Именно такой анализ предлагался (без особенно подробной аргументации) для литовского *accusativus cum participio* в работах [Gronemeyer, Usonienė 2001: 117] и [Greenberg, Lavine 2006: 24].

Тем не менее, как было указано в конце раздела 2, в ряде публикаций последнего времени (см. [Сердобольская 2009] о калмыцком языке, [Sundaresan, McFadden 2009] о тамильском и ряде других языков, [Schoof 2004] о латинском) приводятся данные, ставящие под вопрос идею «исключительного падежного маркирования» как механизма приписывания падежа матричным предикатом зависимому субъекту через границу клаузы и свидетельствующие скорее в пользу того, что падеж выраженного субъекта зависимой клаузы приписывается внутри самой этой клаузы. Ниже я приведу ряд аргументов в поддержку именно такой трактовки литовских конструкций «аккузатив с причастием».

Во-первых, данные конструкции допускаются (хотя и маргинально) с матричными глаголами со своим собственным дополнением в аккумулятиве (ср. 83). Поскольку ни один литовский глагол не способен приписывать аккумулятив сразу двум ИГ с различными семантическими и синтаксическими функциями⁴¹, ИГ *savo tėvą* ‘своего отца’ в данном примере вряд ли может получить свой падеж от матричного глагола.

- (83) *Jurg-is patikin-o policinink-ą [savo tėv-ą*
 Юргис-NOM.SG заверить-PST полицейский-ACC.SG свой отец-ACC.SG
gim-us kaim-e].
 родиться-PST.PA деревня-LOC.SG
 ‘Юргис заверил полицейского, что его отец родился в деревне’.

Во-вторых, как отмечено в статье [Gronemeyer, Usonienė 2001: 117], конструкции «аккузатив с причастием» допускаются и при таких матричных предикатах, которые сами по себе не способны приписывать аккумулятив. Например, глагол *tikėti* ‘верить’ обычно управляет дополнением в инструменталисе (ср. 84а), но вложенный субъект причастной клаузы при данном глаголе может оформляться лишь аккумулятивом (ср. 84b).

- (84) a. *Ar tik-i t-uol^{??}t-ą, k-ą kalb-u?*
 Q верить-PRS.2SG ТО-INS.SG.M//^{??}ТО-ACC.SG что-ACC.SG говорить-PRS.1SG
 ‘Ты веришь тому, что я говорю?’
 b. *J-ie tikėj-o [valstyb-e//*valstyb-e j-iems padė-si-ant].*
 ОН-NOM.PL.M верить-PST государство-ACC.SG//*-INS.SG ОН-DAT.PL.M помочь-FUT-PA
 ‘Они верили, что государство им поможет’.

⁴¹ Единственный контекст, где в литовском языке допускается «двойной аккумулятив», – так называемые «малые клаузы» (small clauses), элементы которых связаны предикативным отношением, см. [Giparaitė 2010].

Более сложная ситуация наблюдается с глаголом *laukti* ‘ждать’, который, как было показано выше (см. 54), обычно управляет генитивом. Хотя выше приводились примеры (55) и (78), в которых вложенный субъект причастной клаузы при данном глаголе также оформлен генитивом, мои консультанты предпочитают в таких случаях аккузативное оформление (ср. 85a). Важно отметить, что собственный объект этого глагола в речи тех же носителей может быть маркирован лишь генитивом (ср. 85b)⁴².

- (85) a. *Lauki-u*   *atei-si-ant*   *Aldon-q*/*Aldon-os.
 ждать-PRS.1SG   прийти-FUT-PA   Алдона-ACC.SG/*Алдона-GEN.SG
 ‘Я жду, что придет Алдона’.
- b. *Lauki-u*   *Aldon-os*/*Aldon-q.
 ждать-PRS.1SG   Алдона-GEN.SG/*Алдона-ACC.SG
 ‘Я жду Алдону’.

Допускаются конструкции «аккузатив с причастием» и при матричных предикатах в форме безличного пассива, ср. пример (86) и обсуждение аналогичных латинских примеров в работах [Schoof 2003; 2004: 131 ff.].

- (86) ...*kai*   *man-o-m-a*   [*privači-q*   *iniciatyv-q*   *šal-ies*
 когда   считать-PRS-PP-N   частный-ACC.SG.F   инициатива-ACC.SG   страна-GEN.SG
ūki-ui   *bū-si-ant*   *veiksming-esn-ę*   *už valdišk-q*].
 хозяйство-DAT.SG   быть-FUT-PA   эффективный-CMP-ACC.SG.F   за   государственный-ACC.SG.F
 ‘...когда считается, что частная инициатива более эффективна для хозяйства страны, чем государственная’ (LKT).

В-третьих, показанные в конце раздела 3 конструкции с вложенным субъектом, занимающим позицию после причастия, см. примеры (76)–(82), также противоречат ЕСМ-трактовке, так как в них вложенный субъект находится в синтаксической структуре слишком далеко от матричного глагола. Поскольку в этих примерах вложенный субъект является рематическим и занимает относительно низкое место в структуре причастной клаузы (предположительно в глагольной группе), нельзя предполагать, что на каком-то уровне синтаксического представления (например, на LF) он находится в позиции, доступной для приписывания падежа матричным глаголом. Этим литовские конструкции «аккузатив с причастием» отличаются от конструкций с «дальним согласованием» в цезском, ительменском и пассамакводди, где согласование матричного глагола возможно лишь с топикализованным элементом вложенной клаузы, переместившимся в позицию на границе фазы (на LF, как в ительменском и цезском, либо в поверхностном синтаксисе, как в пассамакводди).

Этих фактов, как кажется, достаточно для того, чтобы поставить под сомнение возможность классического ЕСМ-анализа литовских конструкций: ни один из указанных случаев не может быть описан в терминах приписывания аккузатива вложенному субъекту матричным предикатом, по крайней мере без каких-либо дополнительных и вряд ли мотивированных допущений.

Каким же образом в таком случае вложенный субъект получает падеж? Потенциально возможны два ответа на этот вопрос: (i) падеж приписывается самим причастием; (ii) падеж приписывается «всей конструкцией целиком», т. е. в генеративных терминах, какой-либо функциональной вершиной в составе причастной клаузы. Ниже я покажу,

⁴² Корпусные примеры, сходные с (85a), менее надежны, поскольку нет возможности установить, чем вызвано аккузативное оформление вложенного субъекта: интересующими нас синтаксическими особенностями конструкции *accusativus cum participio* или же наблюдаемым в ненормативной речи замещением при данном глаголе генитива аккузативом вне зависимости от конкретной конструкции.

что в изучаемых литовских конструкциях фактически действуют оба механизма приписывания падежа, но в разных случаях.

Наиболее очевидные случаи приписывания падежа вложенному субъекту непосредственно причастным сказуемым – те, когда в причастной конструкции используются предикаты, субъект которых в независимом предложении оформляется не номинативом, а каким-либо другим падежом. Это, во-первых, предикаты с дативным субъектом (ср. 87а и 87б).

- (87) a. *Tėv-ui reiki-a pagalb-os.*
 отец-DAT.SG нужно-PRS помощь-GEN.SG
 ‘Отцу нужна помощь’.
- b. *Suprat-a-u [tėv-ui reiki-a-nt pagalb-os].*
 понять-PST-1SG отец-DAT.SG нужно-PRS-PA помощь-GEN.SG
 ‘Я понял, что отцу нужна помощь’.

Во-вторых, это случаи маркирования генитивом партитивного субъекта бытийного предиката (ср. 88а и 88б) или приведенные выше случаи такого же оформления субъекта при отрицательном бытийном глаголе (ср. 79а, 82б).

- (88) a. *Net kai rezerv-ų nėra – j-ų yra.*
 даже когда резерв-GEN.PL NEG+быть:PRS:3 он-GEN.PL быть:PRS:3
 ‘Даже когда резервов нет – они (букв. «их») есть’⁴³.
- b. *...kai kur-ie tyrinėtojų-ai man-o [j-ų es-a-nt kel-is milijard-us ton-ų].*
 кое который-NOM.SG.M исследователь-NOM.PL считать-PRS он-GEN.PL быть-PRS-PA
 несколько-ACC.PL.M миллиард-ACC.PL тонна-GEN.PL
 ‘...некоторые исследователи считают, что их несколько миллиардов тонн’⁴⁴.

Все это случаи приписывания субъекту «лексического» (датов при глаголах типа *reikėti* ‘быть нужным’) или «семантического» (партитивный генитив)⁴⁵ падежа непосредственно вложенным глаголом (V) или функциональной вершиной (отрицанием), которые объединяет то, что они в принципе не зависят от грамматической формы глагола (финитная или причастная) и его более широкого окружения. Очевидно, что за аккузатив вложенного субъекта, появляющийся только в актантных причастных конструкциях, отвечает какой-то иной механизм приписывания падежа.

Какие элементы зависимой клаузы могли бы приписывать аккузатив вложенному субъекту? Очевидным кандидатом на эту роль служит функциональная вершина T, которая, по практически общепринятому в порождающей грамматике предположению, отвечает за приписывание субъекту структурного падежа. В финитной клаузе T приписывает субъекту номинатив, согласуясь с ним по лицу и числу; нечто подобное можно предполагать и для конструкций «номинатив с причастием», где нефинитная вершина T согласуется по роду и числу с номинативным нулевым местоимением⁴⁶. Можно ли считать, что в конструкциях «аккузатив с причастием» вершина T приписывает субъекту аккузатив? Такое предположение сталкивается с двумя трудностями.

⁴³ <http://www.manokarjera.lt/Default4.aspx?ArticleID=60ea74ab-faad-42f0-a47d-8ae3f782cbfe>

⁴⁴ <http://ausis.gf.vu.lt/mg/nr/99/2/2kadun.html>

⁴⁵ О противопоставлении структурных (structural), лексических (quirky) и семантических (inherent) падежей см., например, работы [Бэбби 1994; Richards 2007; Pesetsky, Torrego 2011].

⁴⁶ Аналогичным образом причастие согласуется по роду и числу с номинативным субъектом эвиденциальных конструкций, в которых причастие выступает, по крайней мере на неформальном уровне описания, в функции финитного сказуемого, см. об этих конструкциях, например [Вимер 2008].

Во-первых, как было только что указано, способность как финитной, так и нефинитной вершины T приписывать падеж (номинатив) субъекту однозначно связана с ее согласованием с ним по таким категориям, как лицо (для финитной T), число и род (для нефинитной T). Во всех случаях, когда субъект получает падеж каким-либо иным способом (например, непосредственно от лексической вершины V), согласование с ним отсутствует. Разумеется, в данном случае речь идет о приписывании номинатива, однако данное обобщение можно экстраполировать и на иные случаи: если бы T могла приписывать, например, аккузатив вложенному субъекту, то почему она не способна согласовываться с ним?⁴⁷ Таким образом, можно по крайней мере предположить, что T в конструкциях *accusativus cum participio* не приписывает падежа.

Во-вторых, предположение о том, что источником аккузатива вложенного субъекта служит причастная вершина T, сталкивается с менее умышленной сложностью. Дело в том, что, как было показано в разделе 1, точно такая же причастная морфология возникает в конструкциях с сентенциальными сирконстантами, где вложенный субъект маркируется дативом, а не аккузативом, ср. пример (89a) с повторенным для наглядности примером (20b) (= 89b).

- (89) a. *Tėv-as sak-ė [vaik-us sugriž-us].*
отец-NOM.SG сказать-PST ребенок-ACC.PL вернуться-PST.PA
'Отец сказал, что дети вернулись'.
- b. [*Vaik-ams sugriž-us*], *pragyd-o lakštingal-a.*
ребенок-DAT.PL вернуться-PST.PA запеть-PST соловей-NOM.SG
'Когда дети вернулись, запел соловей' [Ambrasas (ed.) 1997: 363].

Важно отметить, что, как можно заключить на основании данных, приведенных в статье [Greenberg, Lavine 2006], механизм приписывания падежа субъекту в конструкциях *dativus cum participio* типа (89b) на синхронном уровне ничем существенным не отличается от механизма падежного маркирования субъекта в конструкциях *accusativus cum participio* типа (89a). В частности, субъект причастного сирконстанта может оформляться не дативом, а генитивом при бытийных глаголах в утвердительной, пример (90), и отрицательной, пример (91), формах.

- (90) *Es-a-nt pinig-ų, j-ose galė-tų ilsė-ti-s ...*
быть-PRS-PA деньги-GEN.PL он-LOC.PL.F мочь-SBJV:3 отдыхать-INF-RFL
rajon-o vaik-ai.
район-GEN.SG ребенок-NOM.PL
'Если бы были деньги, там могли бы отдыхать ... дети из района'⁴⁸.
- (91) *Ne-s-a-nt galimyb-ės daugiau k-q išleisti, turėj-a-u*
NEG-быть-PRS-PA возможность-GEN.SG больше что-ACC выпускать должен-PST-1SG
nusto-ti raš-ęs.
перестать-INF писать-PST.PA.NOM.SG.M
'Поскольку не было больше возможности что-либо выпускать, я был вынужден перестать писать' (LKT).

Поскольку нет оснований (вопреки [Greenberg, Lavine 2006]) считать, что датив в примерах типа (89b) и аккузатив в примерах типа (89a) обусловлены разными вершинами, гипотеза о приписывании аккузатива в причастных актантах вершиной T имплицитно, что датив в причастных сирконстантах также приписывается той же вершиной T.

⁴⁷ Строго говоря, согласование причастия с аккузативным вложенным субъектом было возможно в старолитовском [Амбразас 1990: 143] и даже иногда допускается в современном языке; однако факультативность данного согласования указывает на иной механизм, нежели тот, что имеет место при номинативном субъекте.

⁴⁸ <http://www.grokiskis.lt/lt/temos/dienos-tema/2009/05/05/vasaros-poilsis-ir-daugybe-klaustuku>

Это предположение не кажется привлекательным по следующим причинам. Во-первых, постулирование двух разных вершин T (вдобавок к необходимой независимо от этого финитной T), имеющих идентичную морфологическую реализацию и одинаковую семантику (ведь нет причин считать, что темпоральная интерпретация причастных сирконстантов чем-либо отличается от таковой причастных актантов; существенные различия между ними в значении и контекстах употребления могут быть обусловлены лишь наиболее внешней вершиной этих конструкций, т. е. нулевым комплементаризером C), но приписывающих различные падежи, явно неэкономно. Во-вторых, выбор одной из этих гипотетических вершин в составе причастной клаузы должен быть полностью обусловлен селективными требованиями более высокой вершины C, отвечающей за интерпретацию и ряд синтаксических свойств конструкции (о наличии такой вершины в причастных конструкциях обоих типов говорит целый ряд фактов, в том числе рассмотренных выше), что делает постулирование «аккузативной» и «дательной» вершин T не только неэкономным, но и явно избыточным.

В свете изложенного представляется разумным связать различие в падеже субъекта в конструкциях *dativus cum participio* и *accusativus cum participio* с той вершиной, которая ответственна за интерпретацию и употребление данных конструкций, т. е. с фонологически невыраженным комплементаризером C. Способность комплементаризера приписывать падеж элементам вводимой им клаузы подтверждается фактами английского (конструкции с *for ... to*, см., например [Chomsky 1981: 164]) и арабского (союз *inna* ‘что’ требует аккузатива субъекта, см., например [Fehri 1993; Al-Balushi 2010]) языков, а для нулевых комплементаризеров аргументируется на совершенно независимых от настоящего обсуждения основаниях в работе [Landau 2008: 898]. В литовском языке такой анализ представляется привлекательным также в свете конструкций с целевыми инфинитивами, где наблюдается «исключительное» маркирование на этот раз не субъекта, а объекта дательным (об этих конструкциях см., например, статью [Franks, Lavine 2006], с данными и выводами которой я во многом не согласен, а также [Ambrasas 1981]), ср. пример (92а). Падеж объекта в таких конструкциях не может быть приписан ни инфинитивом, который сам по себе не способен менять падеж объекта, ср. пример (92б) с актантным инфинитивом, ни тем более глаголом или именем, от которого зависит инфинитивная клауза (предположение, что практически любой литовский глагол и тем более существительное способны приписывать дательный, представляется невероятным).

- (92) а. *Mes pastat-è-me ligonin-ę [gydy-ti vaik-ams].*
 мы:НОМ построить-РСТ-1ПЛ больница-АСС.СГ лечить-ИНФ ребенок-ДАТ.ПЛ
 ‘Мы построили больницу, чтобы лечить детей’.
- б. *Mes nor-i-me [gydy-ti vaik-us].*
 мы:НОМ хотеть-ПРС-1ПЛ лечить-ИНФ ребенок-АСС.ПЛ
 ‘Мы хотим лечить детей’.

Наиболее естественная трактовка конструкций, подобных (92а), состоит в том, что они возглавляются нулевым комплементаризером с семантикой цели и способностью приписывать дательный прямому объекту⁴⁹, ср. схему (93), и аналогичным образом кажется разумным анализировать конструкции с причастными актантами, ср. схему (94а), и сирконстантами, ср. схему (94б).

- (93) [_{CP} C_{[GOAL][+DAT]} [_{TP} PRO T_{INF} + V NP_{DAT}]]
-

⁴⁹ Данный механизм, по-видимому, аналогичен обязательной замене аккузатива объекта на генитив при отрицании; здесь также падеж, требуемый более высокой функциональной вершиной, оказывается «сильнее» падежа, приписываемого в более локальной синтаксической конфигурации, ср. в этой связи [Richards 2007; Erschler 2009; Matushansky 2008; 2010].

(94) a. ...[VP V [CP C_[+ACC] [TP NP_{ACC} T_{PART} + V ...]]]

b. [CP C_[+DAT] [TP NP_{DAT} T_{PART} + V ...] [TP ...]

Повторю, что постулирование нескольких фонологически невыраженных комплементаров в данном случае теоретически оправдано, поскольку они необходимы не только для приписывания нужного падежа элементам нефинитных клауз, но и в первую очередь для корректного отражения их семантических и сочетаемостных свойств.

Такой анализ решает сразу несколько проблем. Во-первых, он позволяет дать единообразное объяснение целому ряду явлений литовской грамматики, связанных с падежным маркированием актантов нефинитных предикаций. Во-вторых, поскольку падежное маркирование при такой трактовке не пересекает границы фазы, данный анализ позволяет обойти неизбежные проблемы, возникающие при гипотезе об «исключительном падежном маркировании» в примерах с аккузативным субъектом в позиции после причастия, ср. схему (95) (в данном случае я полагаю, что субъект бытийного или синонимичного ему предиката порождается внутри глагольной группы и в ходе деривации остается *in situ*, в то время как глагол стандартным образом поднимается в вершину T).

(95) [VP V [CP C_[+ACC] [TP T_{PART} + V_i [VP NP_{ACC} t_i]]]]

Проблему для изложенной выше концепции составляют лишь примеры с генитивным маркированием вложенного субъекта при отрицании матричного глагола и при глаголе *laukti*. Первые можно объяснить тем, что вложенный субъект, получив аккузатив от комплементарера, поднимается в его спецификатор, где оказывается доступным для падежного маркирования со стороны элемента главной клаузы, ср. схему (96). Вторые, особенно примеры типа (78) с рематическим вложенным субъектом в генитиве, таким образом объяснены быть не могут и в любом случае требуют какого-то специфического анализа и дальнейшего изучения.

(96) ... [NegP NEG_[+GEN] [VP V [CP NP_{ACC GENi} C_[+ACC] [TP t_{ACCi} T_{PART} + V ...]]]]

Таким образом, если отвлечься от конкретных теоретических концепций и описательных моделей, можно сделать следующие выводы о падежном маркировании в конструкциях *accusativus cum participio* в литовском языке:

1. Механизм приписывания аккузатива вложенному субъекту причастной клаузы отличается от механизма падежного маркирования обычных прямых объектов; в частности, появление аккузатива на вложенном субъекте не зависит от способности матричного предиката приписывать этот падеж.

2. Падежное маркирование вложенного субъекта не зависит от его места в поверхностно-синтаксической и линейной структуре причастной клаузы и от ограничений на локальность приписывания падежа, обычно постулируемых для явлений «исключительного падежного маркирования» и «дальнего согласования».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье было предложено описание и генеративная теоретическая интерпретация конструкций «аккузатив с причастием» в литовском языке (а также, по необходимости, краткий анализ ряда смежных конструкций), основанные на их употреб-

лении в современном литовском языке, отраженном в материале Интернета, корпуса текстов и в данных, полученных методом опроса носителей языка. Основные выводы исследования можно суммировать следующим образом.

1. Конструкции *accusativus cum participio* являются важным средством оформления пропозиционального актанта при практически неограниченном и семантически мотивированном классе матричных предикатов, обозначающих или способных обозначать восприятие, коммуникацию и иные виды пропозициональных установок. В этом отношении литовские конструкции подобны аналогичным конструкциям в латышском [Eiche 1983], древнегреческом [Cristofaro 2008; 2011], латинском [Schoof 2004], английском и многих других языках.

2. Литовские конструкции указанного типа представляют собой полноценные клаузы, в которых наблюдаются противопоставления видо-временных значений и даже актуальное членение, не зависящие от матричного предложения. В этом отношении такие клаузы, несмотря на свой нефинитный характер, демонстрируют высокую степень семантической и синтаксической автономности, а с точки зрения генеративной грамматики могут трактоваться как составляющие уровня CP.

3. Конструкции *accusativus cum participio* входят в целый ряд парадигматических противопоставлений с другими типами оформления зависимых пропозиций. Конструкциям с подчинительными союзами они противопоставлены в основном на регистровых и социолингвистических основаниях; конструкциям *dativus cum participio* – как актантные клаузы сирконстантным; конструкциям с зависимым инфинитивом – как имеющие временную референцию, независимую от таковой главной клаузы. Наконец, конструкциям *nominativus cum participio*, разделяющим с ними все основные содержательные свойства, конструкции «аккузатив с причастием» противопоставлены по синтаксическому признаку несовпадения «логического субъекта» вложенной предикации с номинативным субъектом главной.

4. Конструкции *accusativus cum participio* распадаются на два типа, отличающихся семантическими и морфосинтаксическими характеристиками. В конструкциях первого типа «логический субъект» причастной клаузы порождается и интерпретируется в позиции прямого дополнения матричного предиката, т. е. такие конструкции демонстрируют случаи объектного контроля. Этот подтип сочетается с ограниченным набором матричных глаголов. Только в конструкциях этого типа допускается продвижение «логического субъекта» причастия в позицию подлежащего при пассивизации главного сказуемого, и только в них «логический субъект» причастия обязательно маркируется генитивом при отрицании матричного глагола.

5. Конструкции второго типа допускаются при существенно более широком круге матричных предикатов и являют собой структуры, где по целому ряду признаков «логический субъект» причастия находится во вложенной клаузе и образует с ним единую составляющую. Это подтверждается запретом на продвижение данной ИГ при пассивизации матричного глагола, необязательностью или невозможностью его генитивного оформления при отрицании матричного глагола, допустимостью в этой позиции прономиналов, кореферентных подлежащему главного предложения, тестами на передвижение, эллипсис и позицию обстоятельств. Таким образом, ни один из типов литовских конструкций *accusativus cum participio* не допускает трактовки в терминах подъема субъекта зависимой клаузы в позицию прямого дополнения главной.

6. Конструкции второго типа, не являющиеся конструкциями объектного контроля, не могут быть описаны и в рамках концепции «исключительного падежного маркирования». Как было показано, аккузатив вложенного субъекта допускается и в тех случаях, когда нельзя предполагать его приписывание матричным предикатом – либо по причине неспособности последнего приписывать аккузатив, либо из-за нелокального отношения между вложенным субъектом и матричным предикатом. Вместо этого была выдвинута гипотеза, что аккузатив приписывается вложенному субъекту нулевым комплементаризером в составе причастной клаузы. Такой анализ получает независимые подтверждения как типологического, так и внутриязыкового характера и может быть

естественным образом распространен на целый ряд других литовских конструкций с «неканоническим» маркированием актантов в нефинитных клаузах.

Тем самым, литовские данные, проанализированные в настоящей статье, служат аргументом против получившей широкое распространение концепции «исключительного падежного маркирования» и проливают дополнительный свет на внутреннее устройство, синтаксические свойства и механизмы падежного маркирования в пропозициональных актантах в языках мира.

СОКРАЩЕНИЯ

III – согласовательный класс, ACC – аккузатив, ASSOC – ассоциатив, AUX – вспомогательный глагол, CMP – сравнительная степень, CNJ – подчиненная форма, CNT – континуатив, CNV – конверб, COMPL – комплетив, CP – группа комплементаризера, DAT – датив, DEF – определенность, ERG – эргатив, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, GOAL – цель, HAB – хабишуалис, INF – инфинитив, INS – инструменталис, LOC – локатив, M – мужской род, N – «средний род» (дефолтное согласование), NEG – отрицание, NML – номинализация, NOM – номинатив, NP – именная группа, OBJ – объект, PA – активное причастие, PART – причастие, PASS – пассив, PL – множественное число, POS – положительная полярность, PP – пассивное причастие, PROG – прогрессив, PRS – настоящее время, PRV – преверб, PST – прошедшее время, Q – вопросительность, RFL – рефлексив, SBJ – субъект, SBJV – сослагательное наклонение, SG – единственное число, TOP – топик, TP – группа времени, VP – глагольная группа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбразас 1990 – *В. Амбразас*. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990.
- Амбразас (ред.) 1985 – *В. Амбразас* (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Бэбби 1994 – *Л.Х. Бэбби*. Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемого синтаксическим контекстом // ВЯ. 1994. № 2.
- Вимер 2008 – *Б. Вимер*. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2008.
- Вимер 2009 – *Б. Вимер*. Таксис в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Генюшене 1974 – *Э.Ш. Генюшене*. Диатезы и залого в современном литовском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
- Жуперка 1969 – *К. Жуперка*. Синонимия придаточных предложений и причастных, полупричастных, деепричастных оборотов в современном литовском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1969.
- Сердобольская 2005 – *Н.В. Сердобольская*. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Сердобольская 2009 – *Н.В. Сердобольская*. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке // С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009.
- Al-Balushi 2010 – *R. Al-Balushi*. The licensing of structural case in Standard Arabic // Proceedings of the 2010 Annual conference of the Canadian linguistics association. Montreal, 2010.
- Ambrasas 1979 – *V. Ambrasas*. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979.
- Ambrasas 1981 – *V. Ambrasas*. Zur Geschichte einer indoeuropäischen Konstruktion (Dativus cum infinitivo im Baltischen) // Kalbotyra. 1981. T. 32. № 3.
- Ambrasas (ed.) 1997 – *V. Ambrasas* (ed.). Lithuanian grammar. Vilnius, 1997.
- Arkadiev 2011 – *P.M. Arkadiev*. Participial complementation in Lithuanian // V. Gast, H. Diessel (eds.). Clause combining in cross-linguistic perspective. Berlin; New York, 2011.
- Aygen 2002 – *G. Aygen*. Finiteness, case and clausal architecture. PhD diss. Harvard University, 2002.
- Bobaljik, Wurmbbrand 2004 – *J.D. Bobaljik, S. Wurmbbrand*. Long distance object agreement, restructuring and anti-reconstruction // Proceedings of NELS 33. 2004.
- Bolkestein 1979 – *A.M. Bolkestein*. Subject-to-object raising in Latin? // Lingua. 1979. V. 48.

- Bruening 2001 – *B. Bruening*. Syntax at the edge: Cross-clausal phenomena and the syntax of Passamaquoddy. PhD diss. MIT, 2001.
- Chomsky 1973 – *N. Chomsky*. Conditions on transformations // S. Anderson, P. Kiparsky (eds.). A Festschrift for Morris Halle. New York, 1973.
- Chomsky 1981 – *N. Chomsky*. Lectures on government and binding. The Pisa lectures. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 2000 – *N. Chomsky*. Minimalist inquiries: The framework // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik. Cambridge (Mass.), 2000.
- Chomsky 2001 – *N. Chomsky*. Derivation by phase // M. Kenstowicz (ed.). Ken Hale: Life in language. Cambridge (Mass.), 2001.
- Chomsky 2005 – *N. Chomsky*. Three factors in language design // *LIn*. 2005. V. 36. № 1.
- Chomsky 2008 – *N. Chomsky*. On phases // R. Freidin, C.P. Otero, M.L. Zubizarreta (eds.). Foundational issues in linguistic theory: Essays in honor of Jean-Roger Vergnaud. Cambridge (Mass.), 2008.
- Cole, Hermon 1980 – *P. Cole, G. Hermon*. Subjecthood and islandhood: Evidence from Quechua // *LIn*. 1981. V. 12. № 1.
- Cristofaro 2003 – *S. Cristofaro*. Subordination. Oxford, 2003.
- Cristofaro 2008 – *S. Cristofaro*. A constructionist approach to complementation: Evidence from Ancient Greek // *Linguistics*. 2008. V. 46. № 3.
- Cristofaro 2011 – *S. Cristofaro*. Participial and infinitival complement sentences in Ancient Greek // V. Gast, H. Diessel (eds.). Clause combining in cross-linguistic perspective. Berlin; New York, 2011.
- Davies, Dubinsky 2004 – *W.D. Davies, S. Dubinsky*. The grammar of raising and control. A course in syntactic argumentation. Oxford, 2004.
- Dik, Hengeveld 1991 – *S. Dik, K. Hengeveld*. The hierarchical structure of the clause and typology of perception verb complements // *Linguistics*. 1991. V. 29. № 2.
- Eiche 1983 – *A. Eiche*. Latvian declinable and indeclinable participles. Their syntactic function, frequency and modality. Stockholm, 1983.
- Engels 2009 – *R. Engels*. The syntactic position of the perceived participant as indicator of the internal structure of the Spanish and French infinitival complement // *Linguistics*. 2009. V. 47. № 3.
- Erschler 2009 – *D. Erschler*. On case conflicts in Russian: An optimality-theoretic approach // G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertová, P. Biskup (eds.). Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and information structure. Proceedings of FDSL 7, Leipzig 2007. Frankfurt am Main, 2009.
- Fehri 1993 – *A.F. Fehri*. Issues in the structure of Arabic clauses and words. Dordrecht, 1993.
- Franks, Lavine 2006 – *S. Franks, J.E. Lavine*. Case and word order in Lithuanian // *JL*. 2006. V. 42. № 1.
- Gast 2010 – *V. Gast*. Complements of perception verbs in selected European languages. Presentation at the «Workshop on clausal complements in cross-linguistic perspective». Berlin, 2010.
- Geniušienė 2006 – *E. Geniušienė*. Passives in Lithuanian (in comparison with Russian) // W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and typology. Form and function. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Giparaitė 2010 – *J. Giparaitė*. The non-verbal type of small clauses in English and Lithuanian. Newcastle upon Tyne, 2010.
- Greenberg, Lavine 2006 – *G. Greenberg, J.E. Lavine*. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend (eds.). Studies in Slavic linguistics and folklore. Bloomington (IN), 2006.
- Gronemeyer, Usonienė 2001 – *C. Gronemeyer, A. Usonienė*. Complementation in Lithuanian // C. Gronemeyer. Laying the boundaries of syntax: Studies in the interfaces between syntax, semantics and lexicon. Lund, 2001.
- Holvoet 2004 – *A. Holvoet*. On the marking of predicate nominals in Baltic // P. Baldi, P.U. Dini (eds.). Studies in Baltic and Indo-European linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Holvoet, Judžentis 2003 – *A. Holvoet, A. Judžentis*. Sudėtinio prijungiamojo sakinio aprašymo pagrindai // A. Holvoet, A. Judžentis (red.). Lietuvių kalbos gramatikos darbai. 2. Sintaksinių ryšių tyrimai. Vilnius, 2003.
- Hornstein 2003 – *N. Hornstein*. On control // R. Hendrick (ed.). Minimalist syntax. Oxford, 2003.
- Kornfilt 2008 – *J. Kornfilt*. DOM and two types of DSM in Turkish // H. de Hoop, P. de Swart (eds.). Differential subject marking. Dordrecht, 2008.
- Landau 2008 – *I. Landau*. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // *Natural language and linguistic theory*. 2008. V. 26. № 3.

- Lasnik 2001 – *H. Lasnik*. Subjects, objects, and the EPP // W.D. Davies, S. Dubinsky (eds.). *Objects and other subjects: Grammatical functions, functional categories, and configurationality*. Dordrecht, 2001.
- Lasnik, Saito 1991 – *H. Lasnik, M. Saito*. On the subject of infinitives // *Proceedings of the 27th Regional meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 1991.
- Matushansky 2008 – *O. Matushansky*. A case study of predication // F. Marušič, R. Žaucer (eds.). *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from FDSL 6.5*. Frankfurt am Main, 2008.
- Matushansky 2010 – *O. Matushansky*. Some cases of Russian // G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, E. Pshekhotskaya (eds.). *Studies in formal Slavic linguistics. Proceedings of FDSL 7.5*. Frankfurt am Main, 2010.
- Muysken, Lefebvre 1988 – *P. Muysken, C. Lefebvre*. Mixed categories. Nominalizations in Quechua. Dordrecht, 1988.
- Pesetsky, Torrego 2011 – *D. Pesetsky, E. Torrego*. Case // C. Boeckx (ed.). *The Oxford handbook of linguistic minimalism*. Oxford, 2011.
- Polinsky, Potsdam 2001 – *M. Polinsky, E. Potsdam*. Long-distance agreement and topic in Tsez // *Natural language and linguistic theory*. 2001. V. 19. № 3.
- Postal 1974 – *P.M. Postal*. On raising. Cambridge (Mass.), 1974.
- Richards 2007 – *N. Richards*. Lardil «case stacking» and the structural/inherent case distinction. Ms., 2007 (<http://web.mit.edu/norvin/www/papers/Lardil.pdf>).
- Rizzi 1997 – *L. Rizzi*. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). *Elements of Grammar*. Dordrecht, 1997.
- Schoof 2003 – *S. Schoof*. Impersonal and personal passivization of Latin infinitive constructions: A scrutiny of the constructions called *AcI* // J.-B. Kim, S. Wechsler (eds.). *Proceedings of the 9th International conference on HPSG*. Stanford (CA), 2003.
- Schoof 2004 – *S. Schoof*. An HPSG account of nonfinite verbal complements in Latin. Groningen dissertations in linguistics 51. 2004.
- Şener 2008 – *S. Şener*. Non-canonical case licensing is canonical: Accusative subjects of CPs in Turkish. Ms., 2008 (lingBuzz/000759).
- Sundaresan, McFadden 2009 – *S. Sundaresan, Th. McFadden*. DP distribution, finiteness and control in Tamil and other languages: selection vs. case // *Journal of South Asian linguistics*. 2009. V. 2.
- Tangl 1928/1999 – *E. Tangl*. *Der Accusativus und Nominativus cum Participio im Altltauischen*. Dissertation. Berlin, 1928 (перевзд. в: *Res Balticae*. 1999. T. 5).
- Timberlake 1988 – *A. Timberlake*. Case agreement in Lithuanian // M. Barlow, Ch.A. Ferguson (eds.). *Agreement in natural language: Approaches, theories, descriptions*. Stanford (CA), 1988.
- Usonienė 2001 – *A. Usonienė*. On direct/indirect perception with verbs of seeing and seeming in English and Lithuanian // *Working papers*, Lund University, Dept. of linguistics. V. 48. 2001.
- Viberg 2001 – *Å. Viberg*. Verbs of perception // M. Haspelmath et al. (eds.). *Language typology and linguistic universals. An international encyclopaedia*. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand*. *Infinitives. Restructuring and clause structure*. Berlin; New York, 2001.
- Zidani-Eroğlu 1997 – *L. Zidani-Eroğlu*. Exceptionally case-marked NPs as matrix objects // *LIn*. 1997. V. 28. № 2.

Сведения об авторе:

Аркадьев Пётр Михайлович
 Институт славяноведения РАН,
 Институт лингвистики РГГУ
 peterarkadiev@yandex.ru